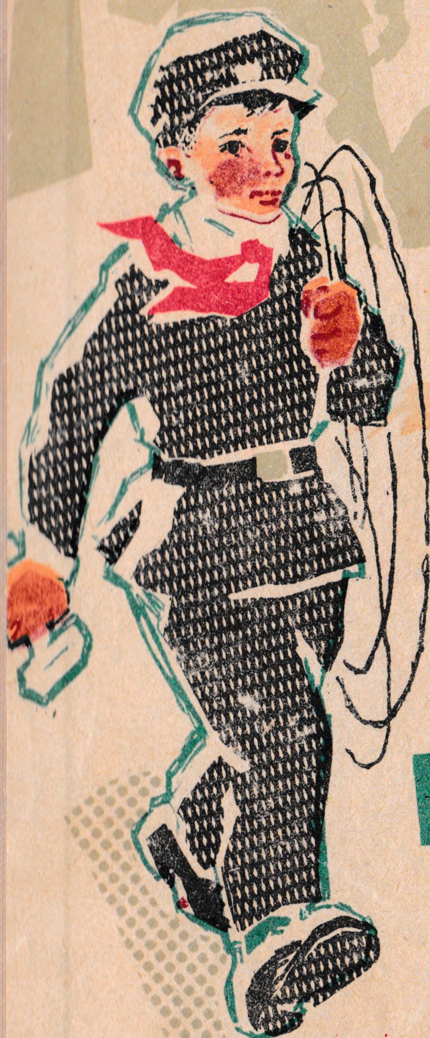
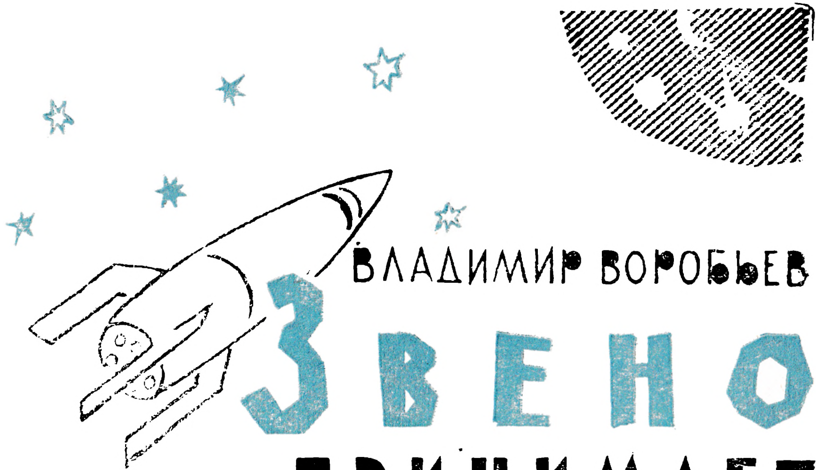

ВЛАДИМИР ВОРОБЬЕВ

Звено принимает решение

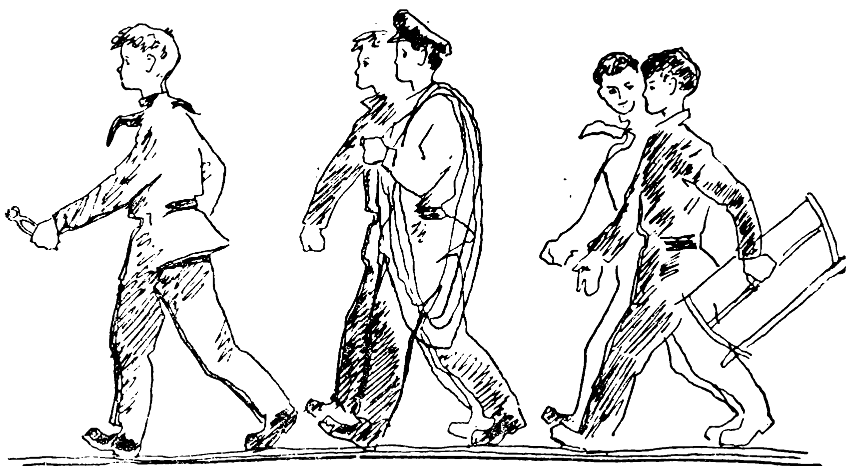

ВЛАДИМИР ВОРОБЬЕВ

ЗВЕНО ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

РАССКАЗЫ

Свердловское
Книжное Издательство
1963

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СБОР

— Ребята! Через два часа приходите на сбор,— объявил после уроков Коля Игнатьев, вожатый второго звена 7 «А» класса.

В ответ поднялся гвалт. Говорили все разом. Громче всех кричал Борис:

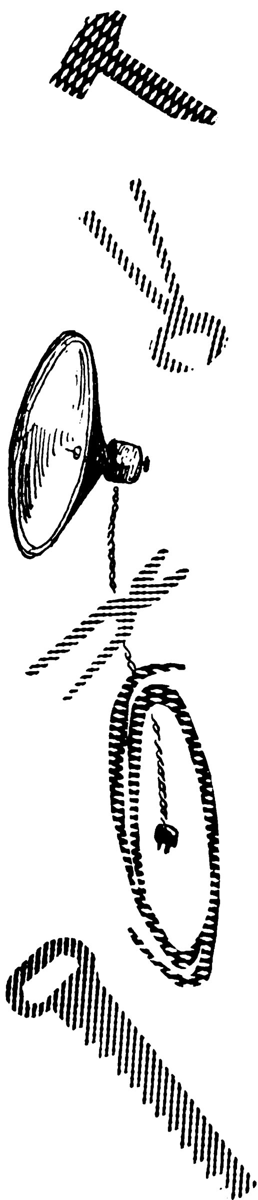
— Во-первых, я в кино иду!

— И я с тобой,— поддержал его Петя Семёнов.

— Во-вторых...

Коля поднял руку, но это не подействовало — ребята перечисляли свои неотложные дела. Тогда Коля достал из кармана записную книжку и стал читать:

— Две пробки к щиту, штепсельная вилка, дверной крючок...

Понемногу ребята притихли и, с удивлением поглядывая на Колю, слушали. А он продолжал:

— ...два метра электрошнура, два шарнира маленьких, изоляционная лента...

— Что это? Переучёт в магазине?— перебил было его Серёжа, но на него зашикали.

Коля продолжал:

— ...электрозвонок, кнопка к нему, пять метров провода, отвёртка, плоскогубцы, молоток...— и неожиданно закончил:— Я знаю, ребята, дома у каждого интересное дело есть. А сборы у нас не интересные, скучные какие-то. Так вот, слушайте, я объявляю сегодня чрезвычайный сбор!

— Что за сбор? Почему чрезвычайный?

— Потом, потом узнаете, на сборе, на то он и чрезвычайный. Главное, не забудьте захватить инструменты, которые я назвал.

«Придут или не придут?— размышлял Коля, идя домой.— Наверное, придут. Только вот Борис! Если ему дадут деньги на кино...»

Незадолго до шести часов вечера Коля пришёл в школу. Борис уже ждал его. В руках у него был свёрток.

Собралось всё звено.

— За мной!— скомандовал Коля, и пионеры, кто со свёртком, кто с узлом, а кто со специальным ящиком для инструмента, двинулись за своим вожатым. Вышли на школьный двор, пересекли его наискосок и остановились перед дверью домика Марфы Семёновны, уборщицы.

— Разрешите вопрос, товарищ вожатый?— подчёркнуто вежливо спросил Серёжа.

— Лучше я задам вопрос,— в тон ему сказал Коля.— Скажите, есть у данной двери ручка или нет таковой?

— Нет,— протянул недоумённо Серёжа.

— Итак, ручки нет, отметим...

— Отметим,— разноголосно повторили ребята, заметно оживившись.

— Постучим?— предложил Коля.

— Постучим,— в один голос ответило звено.

— А что звонка нет, тоже отметим?— спросил Борис.

— Отметим!— дружно и весело прокричали ребята.

Дверь открыла Нина — внучка Марфы Семёновны. Нину ребята хорошо знали, она училась в седьмом классе.

Девочка удивлённо разглядывала ребят.

— Здравствуйте,— сказал Коля, нахмурясь для солидности.— Разве Марфа Семёновна ничего не говорила о нас?

— Нет, ничего не говорила,— пожала плечами Нина,— но... вы заходите, пожалуйста, заходите.

— Айда, хлопцы! — пригласил Коля.— Кстати, обратите внимание, ребята, крючок-то на двери, как видите, того...

Действительно, на двери вместо крючка болтался обрывок верёвки, которую наматывали на гвоздь, вбитый в косяк.

— Известное дело, женщины,— сказал Борис.

Ребята огляделись. Им сразу бросилась в глаза особенная чистота и опрятность в доме. И тут же на аккуратно побелённой стене висели ходики. К их гирьке были подвязаны тяжёлый замок и ещё несколько разных железок.

На это забавное зрелище, конечно, первым отозвался Борис, известный в звене механик. Он подошёл к часам, хмыкнул и потрогал подвешенные железки.

— Тянут?

— Тянут...— немного растерявшись, ответила Нина.

— Вытянуть не могут,— продекламировал Серёжа.

А Борис уже разворачивал свой свёрток с инструментами. Скоро все нашли себе дело. Толя занялся дверкой старенькой тумбочки без петель. Петя облюбовал репродуктор. Он как раз захватил с собой штепсельную вилку и кусок плотной бумаги.

Прежде всего, он стал вырезать из бумаги новый рупор, вслух удивляясь:

— Как это люди могут слушать такое дребезжание?

Серёжа, забравшись на стул, поставленный на кухонный стол, вдруг радостно объявил:

— Честное слово, первый раз вижу такие предохраните-

ли. Смотрите! — он бросил на пол кусочки какой-то проволоки.— Скорее уличные провода сгорят, чем эти предохранители сработают.

Коля убедился, что в его руководстве сейчас никто не нуждается, и немедля принялся устанавливать самодельный электрозвонок.

Первым захотел продемонстрировать свою работу Сергей.

— Внимание, даю свет,— провозгласил он и повернул выключатель. Но... света не было. Ребята рассмеялись. Серёжа снова повернул выключатель. Свет появился на секунду и погас, вновь мелькнул и погас.

— У нас выключатель что-то...— пожаловалась Нина.

— Конечно, выключатель! — обрадовался Серёжа.— Я сейчас, один момент! Поспешишь — людей насмешишь,— сокрушённо заявил он и стал разбирать выключатель.

Когда всё было готово, Коля сказал, вытирая руки:

— Сбор считаю законченным.

— Спасибо, ребята, большое спасибо,— благодарила Нина,— и... пожалуйста, идите сюда мыть руки.

Ребята толпились около умывальника, когда громко застучали в дверь.

— Это бабушка! — воскликнула Нина и бросилась открывать.

— Постой!— Коля схватил её за руку.— Ведь звонок...

— Эх, темнеет уже,— заволновались ребята.— Не увидит она кнопки.

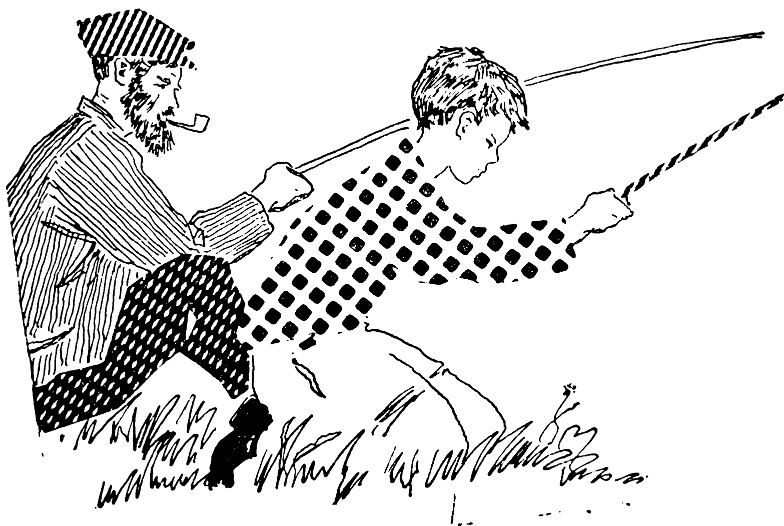
Нина сделала шаг к двери и остановилась. Потом взглянула на ребят и шагнула ещё.

— Я скажу ей, чтоб она там позвонила. Ладно, ребята?

И вдруг обрадованно залился, затрезвонил звонок.

— Увидела! Ур-ра!— закричали ребята и вместе с Ниной побежали в сени открывать дверь Марфе Семёновне.

БОЛЬШОЙ КРЮЧОК

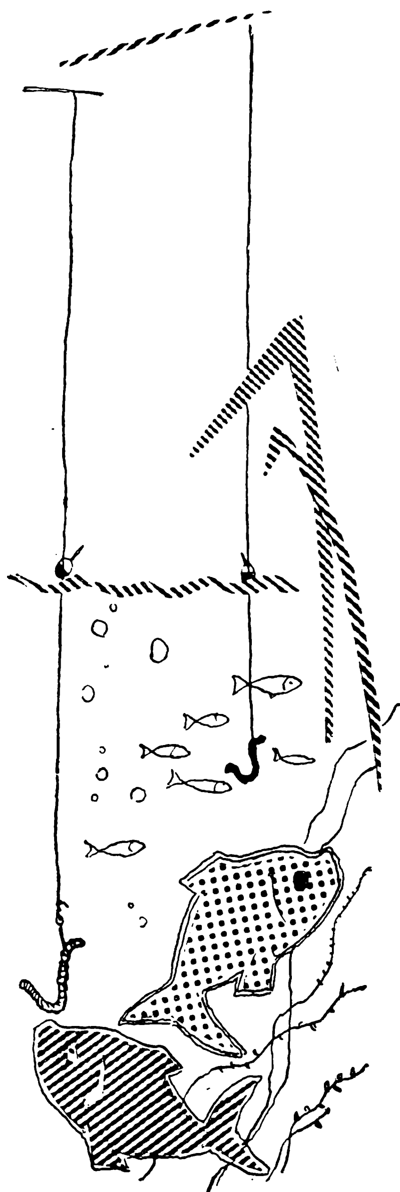
Пришли на рассвете к реке Костя и дедушка Егор. Закинули удочки и ждут, когда рыба клевать станет.

Дедушка Егор ждёт терпеливо. Сидит — не шелохнётся. А Косте не терпится скорее поймать — то сядет, то привстанет и всё дедушку спрашивает:

— Да скоро ли клевать будет? И почему это рыба сегодня не ловится?

Тихо утром на реке. От воды лёгкий пар идёт. Камыш сонно покачивается, будто дремлет ещё. А солнышко всё выше и выше поднимается. Сначала вода была розовая, потом голубая, а сейчас зеленоватая стала: — это зелёный камыш в ней отражается.

Не шевелятся поплавки удочек. Не клюёт рыба. Надоело Косте ждать, вынул он из воды свою удочку и говорит:

— Нет, дедушка, не ловится большая рыба, лучше я другой крючок привяжу, самый маленький. На него всегда рыба ловится, много!

И правда, только Костя закинул удочку с червяком на маленьком крючке — сразу поплавок запрыгал, запрыгал на воде. Потянул Костя удочку.

— Есть! — кричит. — Смотри, поймал!

Блестит на солнышке пойманная рыбка. Костя радуется, опять закидывает.

Вот опять поплавок на воде затанцевал. Еще вытащил Костя рыбёшку. И пошло, и пошло...

Уже с полкотелка плотичек и пескарей наловил Костя, а у дедушки ещё и не клюнуло ни разу.

— Отвяжи, дедушка, большой крючок,— кричит Костя,— видишь, как на маленький здорово ловится!

— Нет,— говорит дедушка,— я подожду. Я терпеливый. Только вот не шуми, пожалуйста,— просит он Костю.— Нельзя на рыбной ловле шуметь. Рыбу распугаешь.

Вдруг поплавок дедушкиной удочки дёрнулся, ещё раз и ещё.

Бросил свою удочку Костя, подбежал к дедушке и шепчет ему горячо:

— Тащи, тащи скорее.

— Нет, рано ещё,— отвечает дедушка.

— Какой ты! Уйдёт ведь рыба!

— Потерпи, Костя. Не мешай.

А поплавок всё попрыгивает, мелкие круги от него по воде во все стороны идут.

Вдруг поплыл, поплыл в сторону. Это рыба повела.

— Ну, тащи же скорее, тащи,— шепчет Костя в ухо дедушке.

— Экий ты комар, право! —отмахивается от него дедушка.— Рано ещё. Потерпи.

Какое там! Приплясывает от нетерпения Костя, руками машет и твердит:

— Тащи, тащи!

Поплавок исчез. Словно и не было его. Так быстро нырнул под воду.

— Вот теперь пора!— сказал дедушка и с этими словами дёрнул удилище в сторону и вверх: так рыбу подсекают.

Согнулось удилище в дугу, леска натянулась туго-туго, будто крючок на дне за что-то зацепился.

— Скорее тащи к берегу, скорее! — уже во весь голос кричит Костя и хочет тоже за удилище ухватиться, помочь.

— Потерпи, потерпи, Костя,— говорит дедушка.

Костя даже сел на песок и в отчаянии руками за голову схватился.

— Да чего ещё-то терпеть?! — говорит он, чуть не плача.

— Рыба леску оборвать может. Потихоньку надо к берегу подводить.

Костя вскочил и опять вокруг дедушки суетится.

— Любишь ты это своё — «потихоньку-полегоньку»... Ой, ушёл! — вдруг отчаянно закричал Костя, когда увидел, как удилище сразу распрямилось, а леска ослабела.— Говорил я...— начал было хныкать он.

Но нет.

Снова натянулась леска, и видно стало, как близко к берегу подвёл дедушка рыбу.

— Давай сачок,— скомандовал дедушка.

Костя увидел сначала, как что-то огромное, блестящее, будто медный таз, сверкнуло у поверхности воды, потом один миг — и дедушка Егор вывалил на берег огромного сазана.

Рыба тяжело поводила жабрами и хватала круглым мясистым ртом воздух.

Костя и сам тяжело дышал: умаялся.

А дедушка не спеша, посмеиваясь, набивает трубку и говорит:

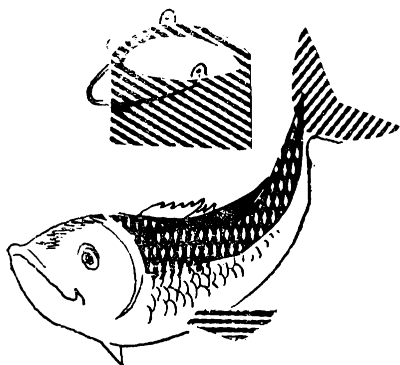
— Ну, давай твой котелок, Костя, положим туда рыбку...

Костя понимает, что дедушка смеётся,— куда там в котелок, туда и голову этого сазана не поместить, не то что...

Солнце тем временем припекать стало.

— Искупаться с горя надо,— сказал Костя и стал раздеваться.— Напрасно я, дедушка, большой крючок отвязал, а то бы тоже...

— Крючка мало,— закуривая, ответил дедушка Егор.— Терпение нужно. Оно всякому делу самый большой крючок.

НА ОХОТЕ

днажды вечером дедушка Егор сказал:

— Видел я диких уток на пруду. Пойду завтра на охоту.

Костя тут как тут.

— А я?

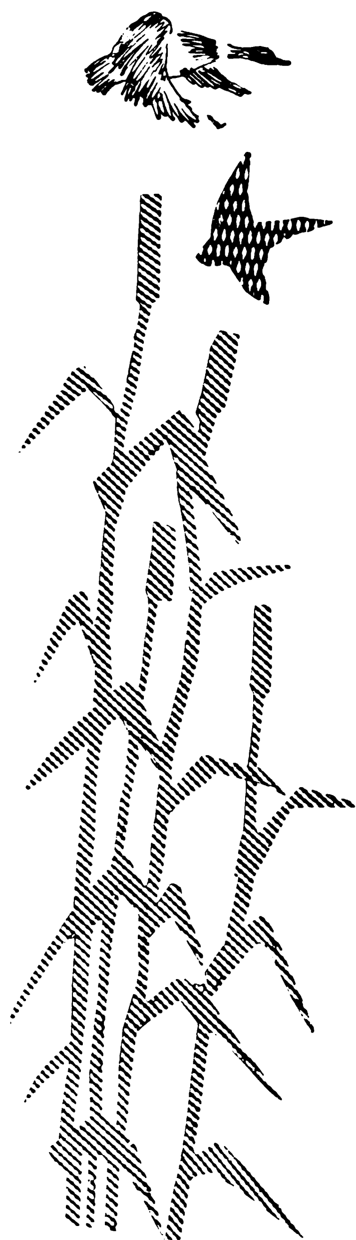
— Маленький ты ещё.

— Что ты! Я большой уже!

И стал Костя упрашивать: возьми да возьми с собой.

— Ну ладно,— сказал дедушка.— Только уговор: встать надо до зари. Я тебя будить не буду и бабушке не велю. Если проспишь, значит, ты ещё маленький.

— Ладно,— согласился Костя и поскорее в постель лёг. «Как бы не проспать, как бы не проспать»,— думал он в кровати. И уснул.

Спал Костя, спал и вдруг слышит: «Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!» Громко. Костя проснулся. А как проснулся, так сразу всё вспомнил.

— Дедушка! — закричал он.— Где ты? Не ушёл?

В комнате всё ещё темно было.

— Здесь я,— слышит Костя. Теперь он уже и сам разглядел: дедушка сидит на скамейке и сапоги надевает.

Кряхтит, охает.

Костя прыг с постели. Поскорее оделся и говорит:

— Я готов. Идём!

— Неумытый? — спрашивает дедушка.

Костя наскоро умылся — и к двери. Но ещё пришлось куртку да кепку надеть.

— На заре, брат, всегда прохладно, — объяснил дедушка.

Снял он ружьё со стены, патронташем опоясался. Вышли наконец они на улицу.

Ни темно, ни светло. Ночь кончилась, а утро ещё не наступило. Сереет.

— А и вправду холодно как! Отчего это? — спросил Костя, поёживаясь.

— Земля за ночь остывать стала. К осени, брат, дело.

До пруда было недалеко.

Когда пришли, Костя увидел: пруд совсем не такой, как днём. Камыш стоит чёрный. Вода серая, и от неё холодом веет.

Дедушка с Костей под куст спрятались. Это чтобы их утки не заметили. Вот немного погодя край неба будто загорелся. Сразу полоска леса обозначилась вдали. И вдруг Костя увидел: красный мячик стал подниматься из-за леса.

— Солнышко встаёт! — крикнул Костя.

— Тсс! — сердито проворчал дедушка.

Ветерок пролетел... И камыш, вторя дедушке, прошептал: «Тшш...» От солнышка через весь пруд красная дорожка протянулась. Опять подул ветерок. Красная дорожка затрепетала на волнах. А в камышах какая-то пичуга запросила: «Пить-пить...» Вдруг над прудом раздался громкий свист крыльев... Над водой летели большие серые с длинными шеями птицы.

«Утки»,— только успел подумать Костя.

Бум-м! Грянул выстрел. Костя вздрогнул и вскочил на ноги. Дедушка тоже стоял. Он держал в руках ружьё. Лёгкое облачко дыма уплывало в камыш. Костя всё же успел заметить: убитая утка с плеском упала в воду. Совсем рядом, у берега.

— Есть! Попал! — закричал Костя. Он приплясывал, хлопал в ладоши. И всё кричал:

— Попал!

Дедушка вошёл в воду. Здесь было мелко. Он только зачерпнул немного воды в сапог. Но утку всё-таки достал и дал её Косте.

— Всё, брат. Больше не прилетят. Распугали. Можно и домой отправляться.

Костя вдоволь налюбовался уткой. Потом он её подвесил к поясу: так охотники делают.

— Дедушка, давай скажем, что утку я убил. Ладно?

Дедушка не ответил.

Солнце уже высоко поднялось. Теперь оно было не красное, а как всегда, как днём. Смотреть на него было больно глазам. И всё вокруг изменилось. Камыш больше не казался чёрным. Красная дорожка на воде пропала. На её месте танцевали солнечные зайчики. Все птицы давно проснулись. Они громко распевали разными голосами. Ни за что не разберёшь, которая про что поёт.

Дедушка с Костей шли домой. Утка болталась у пояса и мешала Косте идти. Но он терпел. «Вот бы кто-нибудь навстречу попался,— мечтал Костя.— Подумают, это я убил утку. «Ай да Костя!» — скажут».

Но никто не попадался навстречу.

Дома их встретила бабушка.

— Вот! — сказал Костя и с гордостью показал ей на утку.

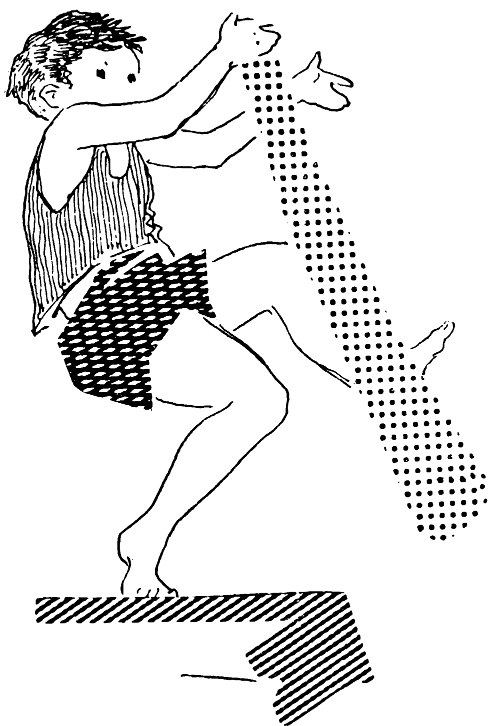
— Ну, это, конечно, Костя убил,— сказала бабушка.— Дедушке-то где же. Старый он стал.

Дедушка с ружьём стоял на пороге и смотрел в пол. Костя обернулся, взглянул на него и вздохнул:

— Нет, бабушка, не я убил. Мы вместе. Правда, дедушка?

— Вот это правда, — весело откликнулся дедушка. — Вместе!

КТО КОГО ИСПУГАЛСЯ?

Вот как было дело...

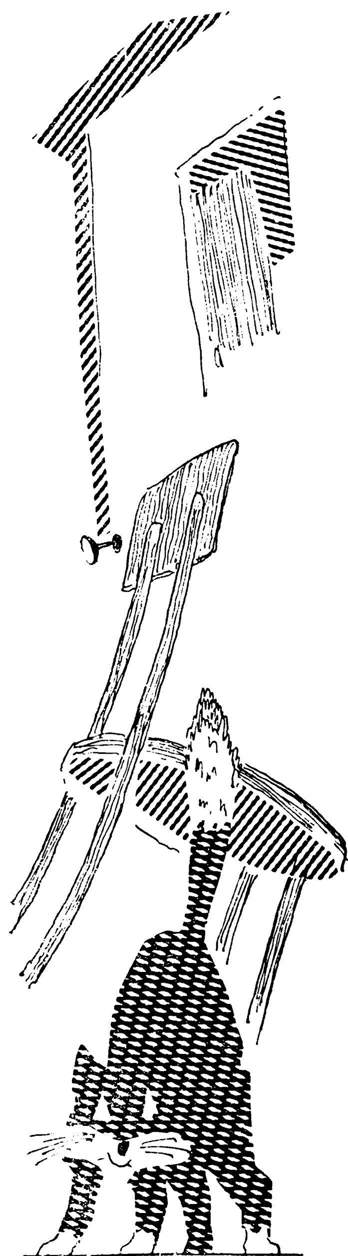
Сидел я поздно вечером дома один, потому что папа и мама эту неделю во вторую смену работали.

И должен был я сидеть до половины первого ночи, то есть я должен был спать, но я сидел и читал книгу «В дебрях Уссурийского края».

Мне захотелось по карте посмотреть, где это всё происходит, про что в книге говорилось.

У нас большая старая карта Советского Союза есть. Она в сенях на шкафу лежала.

Вышел я в сени, а там темным-темно: лампочка недавно перегорела. Ну, нащупал я в углу столик, придвинул к шкафу,

залез и шарю в темноте. Помню, что карта, свёрнутая в трубку, здесь где-то лежит, а под руку всё папки какие-то попадаются, книги...

И вот кажется мне, что около меня ещё кто-то есть. В темноте часто так кажется. Я знаю. И всё-таки неприятно. Ну, шарю и вдруг слышу, будто кто-то рядом чихнул тихонько. Я даже замёрз сразу. И ведь знаю, что никого не должно быть сейчас, потому что сени были заперты. Были... Вот то-то, что были, а сейчас... Кто его знает?

Вдруг кто-то опять, теперь у самого лица: «Фыркчхи!».

Эх! Я как заорал, стол покачнулся, грохнулся я на пол и сам не помню, как в комнате очутился. Наш кот Васька за мной пулей влетел. Я дверь на запор...

«Кто это,— думаю,— там? Кто?»

Смотрю, Васька стоит посреди комнаты, спину выгнул дугой, хвост крючком изогнул и тоже в страхе на дверь смотрит.

— Кись-кись, — говорю — Ты чего, дурак, испугался? Со мной не пропадёшь!..

Нарочно громко говорю, чтобы там, за дверью, слышали.

А Васька сел, взглянул на меня и... чихнул.

ЧЕСТНОЕ ПИОНЕРСКОЕ

У Володьки «честное пионерское» — всё равно что «здравствуй» или «прощай». Сто раз на день можно от него услышать.

Вот смотрите, что вчера, например, было.

Старшеклассники обещали взять наше звено с собой на экскурсию в Краснокамск — бумажный комбинат осматривать. Это в награду за то, что мы помогли им школьную библиотеку перенести в другую комнату и на книги кармашки наклеили.

В половине восьмого утра нам велели быть на вокзале. Конечно, Володька, как всегда, дал честное пионерское слово, что будет готов, когда я за ним зайду.

Ну вот. Стучусь я к нему в семь часов. Никто не отзывает-

ся. Значит, отец с матерью уже на работу ушли. А Володька? «Ну, ясное дело!» — думаю. И так забарабанил в дверь, что собаки на дворе залаяли.

Слышу за дверью: шлёп-шлёп.

Это Володька, босой ещё, бежит открывать дверь.

Вхожу. Володька, конечно, ещё неумытый, мечется в одних трусах по комнате и бормочет:

— Вот понимаешь, тут сам вчера положил. Хорошо помню. Честное пионерское...

Это он про свои носки. А они лежат спокойно на стуле, под книгой. У него вечно так: щётка сапожная на столе валяется, а книга где-нибудь в углу брошена.

«Эх,— думаю,— дам я сейчас ему тумака и уйду. Охота, в самом деле, из-за него на вокзал опаздывать!»

— Да вот они, твои носки,— говорю.— Такое у тебя слово? Я ждать не буду. Я пойду.

А он уже носки напялил и брюки ищет.

— Ага,— кричит,— попались! — обрадовался, что штаны нашёл.

Рубашка тоже скоро отыскалась, за стулом.

— Нет,— говорю,— я пойду и вообще заходить к тебе больше никогда не буду.

А он приплясывает, торопится:

— Я сейчас, минуточку, секундочку... Честное пионерское.

Вдруг встал и озирается по сторонам.

— Чего ещё? — спрашиваю.

— Ремень...

Нырнул Володька под кровать, выполз оттуда, в другую комнату побежал, потом опять под кровать полез. Чихает там, возмущается:

— Лежит, наверное, где-нибудь и смеётся над нами.

А ремень висит себе на дверной ручке. Но мне не до смеха стало, когда я на часы взглянул.

Вытащил я Володьку за ноги из-под кровати:

— Вот он, твой ремень.

— Ну вот, сам видишь,— говорит мне Володька.— У меня, в общем, порядок, только я ещё не привык к нему. Честное пио...

— Брось болтать, скорее поворачивайся! Смотри, уже четверть восьмого...

Он мигом рубашку натянул так, что она затрещала по швам, даже пуговица отлетела.

— Давай, давай скорей! — кричу.— Растяпа сонная!

Вдруг смотрю: опять он засуетился, глаза таращит во все углы.

Снова под кровать полез — свои ботинки искать.

Стал я ему помогать. Всю комнату обшарили. И за корзиной в углу смотрели, и сундук отодвигали — не нашли, вспотели оба.

Сел я на стул, чуть не плачу от обиды. А Володька кружится по комнате и вдруг что-то на этажерке принялся искать.

Вскочил я — и к двери. Уцепился за меня Володька, в глаза засматривает.

— Подожди...— жалобно просит.

Ну, конечно, жалко мне его стало. Всегда он так... на психологию мою действует.

— Обувай,— говорю,— что-нибудь другое. Есть же у тебя. Только скорее!

— Я в калошах пойду,— хнычет он.

Меня смех разобрал, как представил я себе Володьку на экскурсии в одних калошах.

Ну, он догадался, наконец, брезентовые туфли надел.

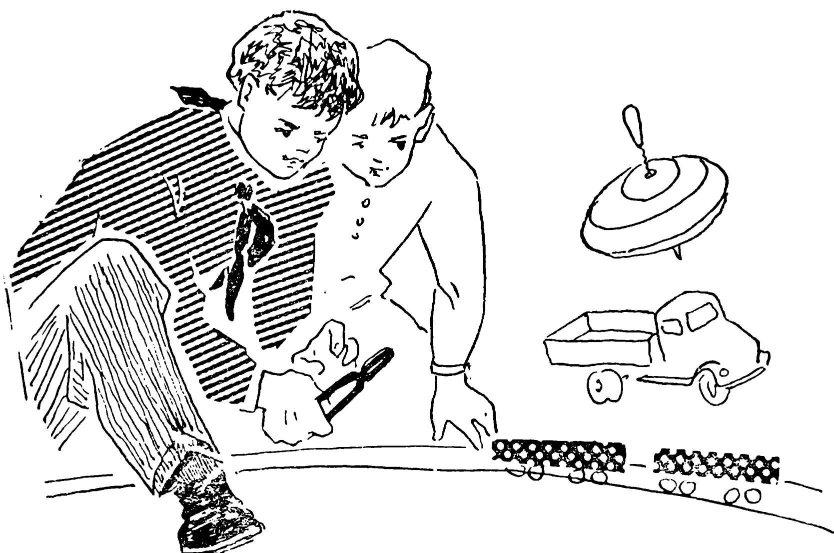
Мы уже бежать кинулись, вдруг Володька как шлёпнет себя по лбу — и назад. Откинул угол матраца, а там его злосчастные ботинки лежат.

— Это,— говорит,— я придумал, чтоб не забыть ботинки утром почистить! Ну ладно, бежим. А то и в самом деле опоздать можем. Честное пионерское, опоздаем!

Прибежали мы на перрон, пыхтим, отдуваемся, видим: последний вагон уплывает от нас.

Опоздали... Сдержал слово Володька.

ЗВЕНО ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

На перемене Машу Птицыну окружили девочки. Сразу же стало известно, что новенькая — отличница и что ей было жалко уходить из своей школы.

После уроков звено осталось на сбор.

Ваня Игнатьев молча стоял у окна, почёсывал затылок, поглядывая то на Машу, то на ребят. Их было четверо, не считая новенькой.

— Чего же тянуть? Начинай, Ваня,— разом заговорили ребята.

— Вот, значит, ребята, в нашем звене... в общем, прибавилось...

— Пернатых,— добавил Серёжка Волькин, тоненький, стриженый под бокс паренёк.

Маша улыбнулась, откинула назад косичку и прикрыла ресницами смеющиеся глаза.

— У нас в звене,— продолжал невозмутимо Ваня,— все ребята занимаются техникой. Так что, может быть, Маше будет неинтересно...

— Если хочешь, можно в другое звено, где есть девочки, а оттуда мы кого-нибудь из ребят возьмём,— предложил Коля.

Но Маша сказала просто:

— Я не хочу, я буду с вами, ребята.

— Значит, так...— начал снова Ваня; он перехватил смеющийся взгляд девочки.— Так, значит...

Ребята рассмеялись.

— Сегодня надо решить,— заговорил Ваня деловито,— кому мы теперь должны оказать техпомощь. Давно уже мы никому не помогали. Одним словом, какие будут предложения?

Маша с любопытством посмотрела на ребят. Она подняла руку, как на уроке, и спросила:

— А что такое «техпомощь», ребята?

— Это мы техническую помощь оказываем кому нужно,— пояснил звеньевой.

Маша отрицательно покачала головой.

— Ну, если кому-нибудь в доме надо что-нибудь починить: кран, например, или

электроплитку, репродуктор или выключатель исправить, понимаешь?

— Понимаю, понимаю. Вот здорово! Это как тимуровцы, да?

— Не совсем, мы без всякой таинственности. Прямо приходим в дом и делаем, что нужно.

— Ой, как хорошо! Это вы сами придумали?

— А что, мы, по-твоему, ничего не можем придумать? — обиделся Витя.

— Нет, я так... У меня предложение хорошее...

— Говори,— разрешил Ваня.

— В детском садике...

— Где? — хором переспросили ребята.

— В детском садике номер восемь, на Ленинской улице, очень много поломанных игрушек, там, знаете, такие чудесные малыши, такие малыши!..

— Подожди,— прервал Ваня.— Причём тут детский сад?

— Эх! — махнул рукой Витя.— Думал, и правда, что-нибудь дельное скажет, а она, оказывается, сама ещё в детский сад ходит!

— Но вы только послушайте, ребята! Только послушайте!..— Маша встала и умоляюще сложила руки.— Игрушек там много, но они часто ломаются! Ведь малыши что? Раз-раз — и сломали! Ну вот, ходила воспитательница в мастерские — не принимают, говорят: «Мы велосипеды ремонтируем, пишущие машинки, а вы — с игрушками».

— И правильно!

— Что правильно? Что правильно? — возмутилась Маша.— Разве это правильно, когда игрушки малышам починить некому!

— Пускай новые покупают! Да что, в самом деле? Я против! — решительно сказал Витя и вжикнул застёжкой-молнией. Нагрудные карманы его чёрной вельветовой куртки и брючные карманы все были на этих застёжках. Открывал и закрывал «молнии» Коля так, что по одному звуку можно было безошибочно судить о его настроении.

Остальные зашумели и поддержали его.

— Совочки там всякие, мячики — это не по нашей части. Мы техники! Ты не обижайся, Маша. Мы вот ветряной электродвигатель начинаем строить, а ты... игрушки! — растолковал ей Ваня.

— Но там и заводные игрушки есть, механические,— пыталась соблазнить ребят Маша.

— Нет, в игрушки мы не играем! — ответил за всех Ваня.

— И в куклы тоже,— съязвил Витя.

— Но ведь и я...— Маша не договорила. Она села за парту, обиженно поджав губы, и до конца сбора не сказала ни слова. Сбор закончился, а ребята так и не придумали, кому бы оказать техпомощь.

Недели через три в школе произошло маленькое событие. В адрес пятого звена шестого класса «А» пришло письмо с обратным адресом: «Детский сад номер восемь».

Снова в пустом классе после уроков собрались четверо ребят и одна девочка. Ваня, стоя у окна, вертел в руках нераспечатанное письмо и, как всегда, медлил. Маша сидела чуть-чуть бледная и глядела прямо перед собой. «Что в этом письме?» — с тревогой думала она и прятала под фартуком руки в царапинах и рыжих пятнах йода.

— Ну, чего ты? Вскрывай! — торопил звеньевого Витя.

Ваня, пошелестев бумажкой, начал читать:

— «Дорогие пионеры! Мы сами писать ещё не умеем и попросили сделать это за нас нашу воспитательницу...— Ваня поднял глаза на ребят, недоуменно пожал плечами и продолжал читать: — Большое спасибо вам за помощь...»

— Что?! — крикнул, вскакивая с места, Витя.

— Вот, благодарят, смотри сам...

— Дальше читай, дальше. Не мешай, Витька! — потребовали ребята.

— «У нас теперь прибавилось игрушек. Мячики, которые вы починили, высоко подпрыгивают и очень красивые, потому что хорошо выкрашены. Ведёрки и совочки тоже очень красиво раскрашены. Они стали, как новые. А у тачек ручки и колёса теперь целые.

Вот только заводная лягушка скачет назад, а вперёд не может. И грузовик ездит только по кругу, потому что у него одно колесо вертится...» — Ваня прервал чтение и принялся почёсывать затылок.

Витя схватился за щёку и скривился, как от зубной боли, а Коля обеими руками обхватил голову и стал раскачиваться из стороны в сторону.

— Да! Кто-то здорово напортачил там,— промолвил, наконец, Ваня.— Но откуда они взяли, что это мы?

— Это я... напортачила,— вдруг сквозь слёзы выговорила Маша.

Ребята промолчали.

Маша с первых же слов письма догадалась, о чём идёт

речь. Беря игрушки в починку, она говорила в детском саду, что ремонтировать их будет пятое звено её класса.

— А ну, читай дальше,— потребовал Коля.

— «Есть у нас ещё электрическая железная дорога, большая, вокруг всей комнаты, но вагончики не катаются. Это, конечно, очень трудно починить. Мы, когда вырастем большими и станем пионерами, тоже будем помогать маленьким. Приходите к нам, а то мы видели только одну Машу. С приветом...» Тут подписи, ребята. Смотрите, какие каракули, никогда таких не видал! — заулыбался Ваня.

— Ладно! «Не видал!» — передразнил Витя.— Сам такой же грамотный был когда-то!

Ваня положил письмо на стол и спросил:

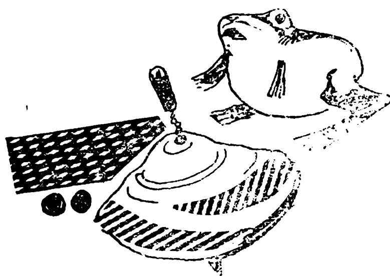
— Ну, какие предложения будут?

Маша снова подняла руку:

— У меня есть предложение, очень хорошее предложение...

Машино предложение было принято.

И теперь в детском саду номер восемь, что на Ленинской улице, к неописуемому восторгу малышей, бегают по рельсам вокруг комнаты игрушечные вагончики электрической дороги. А заводная лягушка прыгает вперёд, как ей и полагается.

МАМА

Накрывая утром на стол, мама сказала:

— Что-то не хочется есть. Завтракай тут сам.

И ушла на работу.

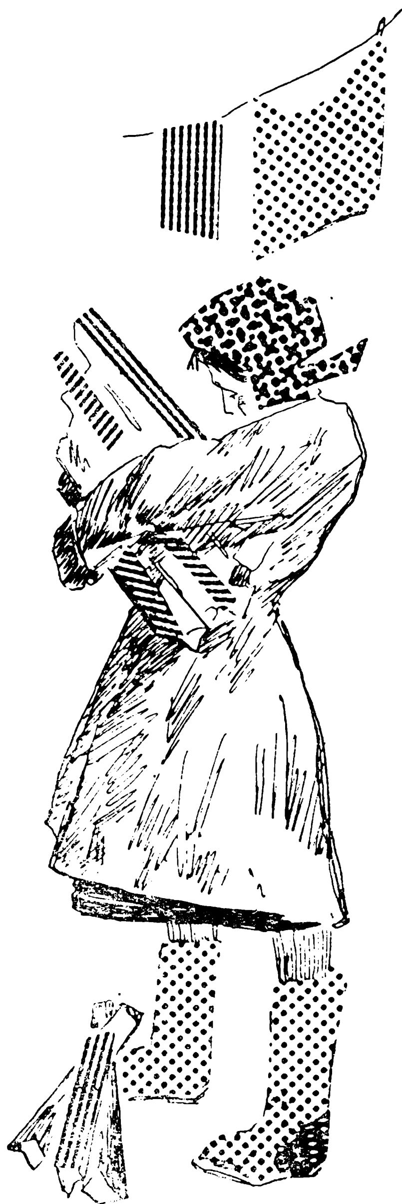
А вечером мама вернулась какая-то невесёлая, села поближе к печке и, поёживаясь, стала кутаться в тёплый платок. На её лице серой паутинкой лежала тень. На лбу блестели капельки пота, но она почему-то сказала:

— Холодно как... Не протопить ли ещё?

— Топи, — буркнул Павлик, не поднимая головы от книги: — Только сперва обедать давай.

Мама, помедлив, тяжело встала со стула и пошла на кухню.

Обедал Павлик тоже один: у мамы опять не было аппетита. Пока он уплетал борщ, а потом обожаемые им голубцы, мама сходила за дровами.

Сбросив свою ношу у печки, она долго стояла, не двигаясь, словно в забытьи. Потом проговорила тихо:

— Нездоровится,— и зябко повела плечами.— Прилечь, что ли?

— Приляг,— машинально сказал Павлик, увлечённый чтением.

Убрав со стола, мама легла в постель и попросила сына накрыть её поверх одеяла шубой.

Громыхнув с досады стулом, Павлик встал и молча исполнил её просьбу.

От электрического света у мамы почему-то болели глаза.

Но Павлик, выслушав её робкую просьбу, тотчас забыл о ней и снова погрузился в книгу — слишком уж захватывающе развивались события на Таинственном острове.

Наутро мама на работу не пошла. Она всё кашляла и сердилась на себя.

— Вот угораздило не вовремя расклеиться, — ворчала она.— Конец месяца, отчёт... Напутают всё там без меня...

А у Павлика этот день оказался особенно удачным.

Исконный враг его класса — пятый «Б» — был посрамлён. На этот раз состязание по хоккею превратилось для него в настоящее ледовое побоище. Пятому «Б» так и не удалось размочить счёт.

С результатом 8:0 победила команда пятого «Г», в котором учился Павлик.

Уже наступил вечер, когда Павлик, измученный и счастливый, с коньками в руках подбежал к своему дому.

У крыльца стоял «Москвич» с красным крестом на ветровом стекле.

Навстречу Павлику из парадной двери вышел очень полный мужчина в меховом пальто, из-под полы которого виднелась белая полоска халата. В руках у него был чёрный ящичек. Мужчина, кряхтя, залез в машину, хлопнул дверцей, будто выстрелил, и «Москвич» умчался, недобро мигнув на повороте кроваво-красным глазком сигнала.

Страшная догадка испугала Павлика.

Он вбежал в комнату. В ней стоял полумрак. Пахло спиртом, горелой ватой и какими-то лекарствами.

— Тише, тише, пожалуйста,— услышал Павлик голос соседки Нины Петровны.

Высокая, крупная, она стояла возле кровати. Из-за её спины Павлик разглядел на подушке мамино лицо. Оно было странно изменившимся, будто чужим.

— Павлушка пришёл?— тихонько произнесла мама.— Накормите его...

— Не беспокойтесь, голубушка, лежите. Накормлю, как же...— прошептала Нина Петровна и уже совсем другим, суровым тоном сказала Павлику: — Идём!

Павлику стало нестерпимо жаль маму. Он кинулся было к кровати, но Нина Петровна схватила его за рукав:

— Ты с ума сошёл? Ты же холодный, с мороза! Иди на кухню.

И Павлик, глотая слёзы, вышел. На кухне он стал торопливо снимать с себя куртку, шарф, ботинки.

— Мама выздоровеет? — спросил он испуганным шёпотом Нину Петровну, как только она вошла.

— Может, и выздоровеет,— помедлив, обронила соседка.

Павлик понял, почему она так сказала. Нина Петровна не раз упрекала маму: «Балуете вы Павлушку, барином растёт. Для него дров принести — физкультура, а вы всё сами...»

А Павлику говорила: «Не бережёшь мать, попрыгун! Другой-то матери у тебя не будет...»

Мальчик вплотную подошёл к Нине Петровне, чтобы заглянуть ей прямо в глаза, сказал торопливо, срывающимся голосом:

— Выздоровеет, выздоровеет!

Чтобы не расплакаться снова, Павлик открыл рот и стал часто дышать.

— Чего это ты, как галчонок, рот открываешь? — насмешливо заметила Нина Петровна.— Небось, сегодня не то, чтоб врача вызвать, воды матери не подал!..

Павлик стоял и молчал, опустив голову, готовый вот-вот зареветь.

Нина Петровна накрыла на стол и сказала спокойно, примиряюще:

— Поди поешь.

Павлик нехотя присел на краешек стула.

Помолчав, Нина Петровна сказала как бы про себя:

— Воспаление лёгких у мамы, а всё оттого, что не бережётся. По воду сама, за дровами сама, везде сама...

Павлик хотел сказать, что теперь он сам будет всё делать, но почувствовал, что от слёз ему не удержаться.

— Да ты ешь! Чего вскочил?

Павлик замотал головой и, отворачивая лицо от Нины Петровны, боком проскользнул в комнату к маме.

НЕМАЯ КАРТА

Мне всегда очень нравилось сидеть на уроках географии и слушать. Только отвечать у карты я не любил. Особенно, если карта «немая». Посмотрю на неё и сразу забываю, что знал. Надо найти, например, залив какой-нибудь или остров, и только хочешь показать это место на карте — вдруг сомнение берёт, правильно ли?

Я как-то признался в этом Витьке-Профессору — длинный такой парень у нас в классе есть. Его Профессором прозвали потому, что он близорукий, сидит на уроках в очках, и от этого у него очень умный вид. Выслушал он меня и наговорил такого, что я ещё больше стал «немой» карты бояться. Говорит: «Это у тебя невроз!» И даже лечить меня взялся. «Холодной водой,— говорит,— буду тебя окатывать». Отец у Витьки

доктор. «А ведь всё может быть,— думаю.— Может, и правда болезнь у меня такая. А что дома будет всякий там невроз, когда табель с двойками покажу, так это уж наверняка!»

Как-то после занятий — это перед самыми каникулами было — вызывают меня в учительскую. Вхожу, смотрю: в учительской только один Николай Иванович сидит.

«Сейчас,— думаю,— он меня песочить будет за двойки». А он ничего. Только посмотрел внимательно и говорит:

— Ты, я слышал, электрик толковый.

«Издалека,— думаю,— начинает».

— Надо заставить карту заговорить. Смотри,— и показывает мне на карту.

Как взглянул я на неё, весь обомлел, и в ушах зашумело, потому что карта была «немая».

«Неужели,—думаю,—спрашивать будет?» И чувствую, что ничего не смогу ответить. Опять, наверное, этот самый невроз начинается.

— Нужно, сверяясь всё время с обычной картой,— говорит Николай Иванович,— электрифицировать «немую», устроить так, чтобы над картой всякий раз, как ученик правильно покажет, зажигалась лампочка.

— Знаю! — обрадовался я.— Знаю, как это сделать!

Дома я прежде всего схему на бумаге начертил. Простую очень схему.

Надо, например, указать остров Сахалин — я один штепсель втыкаю в гнездо против надписи «Сахалин», другим — дотрагиваюсь до шляпки гвоздика, вбитого в то самое место на «немой» карте, где этот остров нарисован. А так как гнездо и гвоздь отдельным проводом соединены, то лампочка над картой загорается. Если же я ошибусь и дотронусь штепселем до шляпки любого другого гвоздика, светового сигнала уже не будет.

На лицевой стороне карты только гвоздики поблёскивают, будто звёздочки рассыпаны. Даже красиво получилось!

Лампочку я прикрепил на самом верху карты. Сделал проводку.

И вот стал я проверять свою работу.

Дотрагиваюсь одним штепселем до шляпки гвоздя на карте — лампочка вспыхивает. Я тоже будто весь вспыхиваю. Приятно!

Так несколько раз по всей карте прошёлся, всё время сверяясь с обыкновенной картой. Сигнализация получилась что надо.

Я уже наверняка знал, что теперь смогу указать на карте всё, о чём бы ни спросил меня Николай Иванович.

Карта стала такая знакомая, нестрашная, будто она и не «немая» вовсе.

И тогда я подумал: «А что, если и в самом деле заставить её человеческим языком говорить? Ведь теперь такая техника — всё можно!»

Утром я пришёл в школу, когда ещё совсем никого там не было.

Первым был урок географии.

Повесил я свою карту, а за ней так, чтобы сразу не заметили, поставил...

Нет, я потом скажу, что я поставил за картой.

Стали ребята собираться. И, конечно, сразу все к карте бросились. Но я их не пускаю, не разрешаю осматривать её.

Наконец звонок! И сразу же Николай Иванович вошёл. Он, как всегда, быстро подошёл к столу и громко с нами поздоровался. Потом на карту взглянул.

— А почему лампочки нет? — спрашивает Николай Иванович.

— Не надо её,— говорю.

Все как засмеются!

— Почему — не надо? — спрашивает, нахмурившись, Николай Иванович.— Ты разве не понял, что следовало сделать?

— Понял,— отвечаю я.— Вызовите меня, пожалуйста.

— Ладно, выходи, отвечай...

Я подошёл к карте и штепселя в руки взял. Смотрю: дрожат у меня штепселя.

«Спокойно,— внушаю я себе.— Спокойно».

— Покажи залив Кара-Богаз-Гол,— говорит мне Николай Иванович.

Воткнул я один штепсель в гнездо напротив слова Кара-Богаз-Гол, а другой к шляпке гвоздика на карте приставил, который был вбит в то место, где залив обозначен.

И тут карта как крикнет моим голосом: «Правильно!».

Ребята с мест повскакали — и к карте. Хорошо, что Николай Иванович их остановил! А то ведь могли сразу обо всём догадаться.

Николай Иванович, такой довольный, подошёл ко мне и стал называть реки, города.

И всякий раз я указывал штепселем, а карта говорила: «Правильно».

Потом Николай Иванович спросил:

— Ты как думаешь, почему хорошо сегодня отвечаешь?

— Да ведь теперь карта не «немая»,— говорю я.

Потом он к ребятам повернулся:

— Так что же ему следует сегодня за ответ поставить, ребята? По-моему, пятёрку. А?

Тут я взял да и включил устройство. Карта, конечно, забубнила: «Правильно! Правильно!»

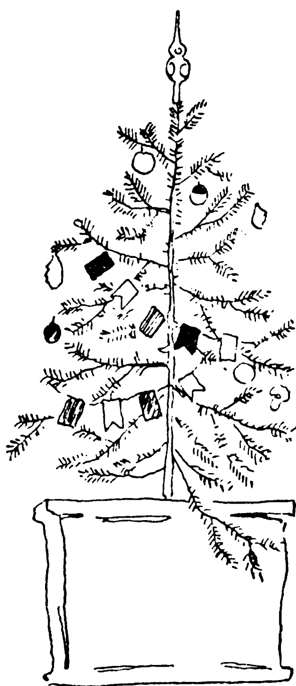
Все ребята засмеялись, и Николай Иванович тоже.

Велел принести мне дневник и сесть на место.

Ребята стали руки тянуть: каждому ведь охота у говорящей карты ответить.

В этот раз все очень хорошо отвечали.

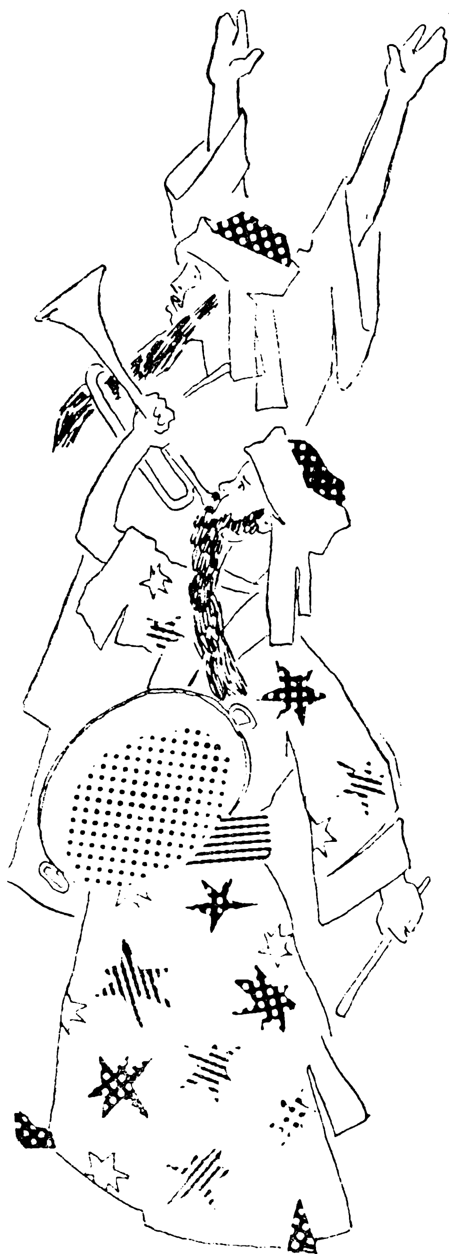
После урока я показал ребятам своё устройство. Это был самый обыкновенный самодельный магнитофон. Кусок ленты я склеил в замкнутое кольцо и записал на нём несколько раз одно только слово «правильно». Штепселями подключалась не лампочка, а громкоговоритель магнитофона. Только и всего!

МЫ ФАКИРЫ

Когда стала подходить наша очередь выступать, мы с Лёнькой перенесли всё на сцену, за кулисы, и стали готовиться. Намотали на головы скрученные жгутом полотенца — как будто мы индусы в чалмах. Надели халаты с широченными рукавами, расшитые звёздочками и блёстками. Ноги обули в разрисованные туфли с огромными, загнутыми кверху носами. А лица вымазали коричневым гримом. Лёнька хотел чёрным, чтоб страшнее быть, да драмкружковцы не дали. «И так,— говорят,— очень даже симпатичные факиры».

Потом прицепили мы себе длинные бороды из крашеной пакли, чтоб совсем нас никто не узнал, и ждём.

Конферансье, Коля Зайцев из седьмого «В», вышел на сцену и говорит:

— Товарищи! Сейчас начнутся чудеса. Прошу трёх свидетелей на сцену.

Сразу трое ребят вскочили на сцену, а Коля громко, чтоб все слышали, распоряжается:

— Осмотрите внимательно пол. Видите, никаких приспособлений нет. Пол как пол.

Ребята соглашаются:

— Верно, нет.

— А сейчас вы видите: я беру обыкновенную табуретку и ставлю её на пол.

Ребята осмотрели и табуретку. Да ещё как осмотрели! Чуть по частям не разобрали. Пришлось им признать, что и табуретка обыкновенная.

После этого Коля забежал за кулисы, взял у нас ящичек, из которого торчала небольшая разукрашенная ёлочка, и вынес на сцену.

Он поставил ящичек с ёлочкой на табуретку и сказал свидетелям:

— Если желаете, можете осмотреть и ёлку.

Те, конечно, осмотрели со всех сторон.

— А в ящичке что?— загалдели свидетели.

Тогда Коля приложил палец к губам, отвёл ребят в сторону и, издали указывая на ящичек, громким шёпотом сказал:

— Тсс... Там шайтаны, джины, черти, понятно?!

Свидетели засмеялись, и с ними весь зал.

Анна Ивановна заиграла на рояле какой-то медленный восточный танец, и тут мы с Лёнькой вышли на сцену. В зале раздались смех, аплодисменты. Кто-то с первого ряда крикнул:

— Эй, факир, на бороду наступишь!

Мы встали по обе стороны ёлки, шагах в четырёх от неё. У меня в руке был горн, в другой — короткая палочка, на шее висел медный таз. У Лёньки ничего не было, он должен был говорить.

— Мы факиры и можем делать чудеса! — начал Лёнька.

Слышу, в зрительном зале захихикали, зашушукались.

Я боялся взглянуть туда. А Лёнька продолжал, как ни в чём не бывало:

— Ёлка, засветись огнями! Абара, кабара, хох!

Как только он сказал: «Хох!» — я ударил палочкой по медному тазу. На ёлке мгновенно вспыхнули лампочки.

— Ёлка, танцуй вальс! — крикнул Лёнька.— Абара, кабара, хох!

Я что было сил дунул в горн. Ёлка вздрогнула и, как живая, стала поворачиваться, сверкая украшениями.

Я немного успокоился: всё шло хорошо.

— Ёлка, ёлка! — подвывая диким голосом, заклинал Лёнька.— Крути, верти! Стоп! Абара, кабара, хох!

Я тотчас же сунул в рот два пальца и свистнул. Ёлка остановилась.

— Ёлка, потуши огни!

И, как только Лёнька сказал: «Хох!», я снова ударил по тазу, и лампочки на ёлке сразу погасли. Нам аплодировали громко и долго.

Конечно, все очень заинтересовались нашим чудом. На сцене свидетели искали, в чём секрет. Они ползали по полу, пытаясь обнаружить проводку от нас к ёлке, но, конечно, её не было.

Все в зале стали требовать, чтобы мы открыли ящик, на котором была укреплена ёлка.

Вдруг на сцену, тяжело переваливаясь, полез Минька Ключарёв. Его ребята Топтыгиным зовут, потому что он толстый и неуклюжий, похожий на большого медвежонка.

— Ребята! Я понял, в чём секрет!

— Объясняй! — кричали из зала.— Валяй, Топтыгин!

— Послушайте, ребята, тут это «абара, кабара» ни причём и «хох» ни при чём. Тут вот оно что!

Минька быстро приблизился ко мне. И не успел я отскочить от него, как он трахнул своими кулачищами по тазу — бомм — и на ёлке вспыхнули лампочки. Не успел я ещё ничего сообразить, Минька уже выхватил у меня горн и как дунет в него! Елка завертелась. В ту же минуту Минька сунул в рот пальцы, свистнул, и ёлка остановилась.

— Вот! Понятно? А они: «Абара, кабара»... Дураков нашли! — и пошёл со сцены.

— Постой! — в отчаянии закричал Лёнька.— Нет, ты погоди! Ты объясни, почему? Почему?

Из зала тоже стали кричать:

— Да, объясни, почему? Почему?

Кто-то, сложив руки рупором, трубил:

— Объяснений требуем!

Минька повернулся лицом к зрителям, развёл руками и. добродушно улыбаясь, заявил:

— Не знаю.

— Слезай, Топтыгин,— закричали зрители.— Пускай факиры объяснят.

Вижу, Лёнька совсем из себя вышел: сорвал бороду, сдёрнул с головы чалму, сбросил с ног туфли, халат и остался в своём костюме с пионерским галстуком. Только забыл, что лицо у него коричневое.

— Вот, смотрите, тёмный народ,— крикнул Лёнька и открыл переднюю стенку ящика.— Тут аккумулятор, вот тут электромотор, чтобы ёлку вращать. Это редуктор-замедлитель, чтобы ёлка не очень быстро кружилась. Вот это стальные пластинки, камертон, знаете такой? — спрашивает ребят Лёнька.

— Знаем! — кричат ребята. Некоторые с мест повскакали, толпятся около сцены.

— Каждый камертон,— объясняет Лёнька,— на какой-нибудь звук особенно сильно отзывается. Этот начинает дрожать, когда звуковые колебания от горна его коснутся, а этот — от свиста. Понятно?

— Ясно! Давай дальше!

— А это электромагниты. Они срабатывают и включают мотор или электролампочки, как только какой-нибудь камертон задрожит. А эти вот пластинки, припаянные к камертону, замыкают всю цепь. Вот вам и всё чудо. Называется это телемеханика, что значит управление механизмом на расстоянии. Можно по радио управлять, можно по проводам, а можно и звуком... Сами сейчас видели!

За кулисами я с наслаждением сбросил чалму и всю остальную факирскую одежду. Стали мы с Лёнькой грим с лица стирать, смотрим, к нам ребята вваливаются. Впереди Минька Топтыгин.

— Эй, факиры! Идём есть мороженое.

— Ладно,— отвечаю я,— а то ведь с прошлого года мороженого не пробовал.

— С прошлого года? — изумился Минька.

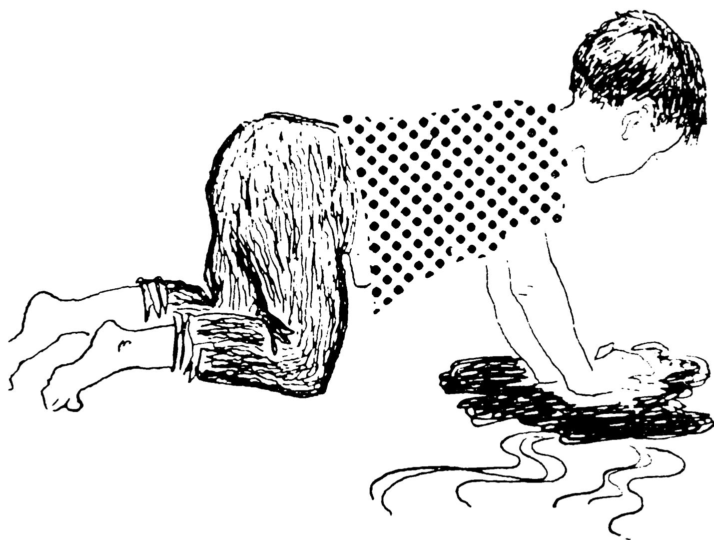
Тут все ребята стали над ним смеяться:

— Эх ты, Топтыгин! Прошлый-то год только вчера кончился.

И мы все пошли в буфет есть мороженое.

Конечно, нас с Лёнькой теперь весь год Факирами будут звать. Это уж как водится.

ТАК ДЕРЖАТЬ!

Поезд на Север ушёл, а Серёжа с мамой всё ещё стояли на опустевшем перроне.

Серёжа вздохнул и сказал:

— Идём, мам. Папа ведь обещал телеграмму дать,— и тут же понял: чепуху он говорит.

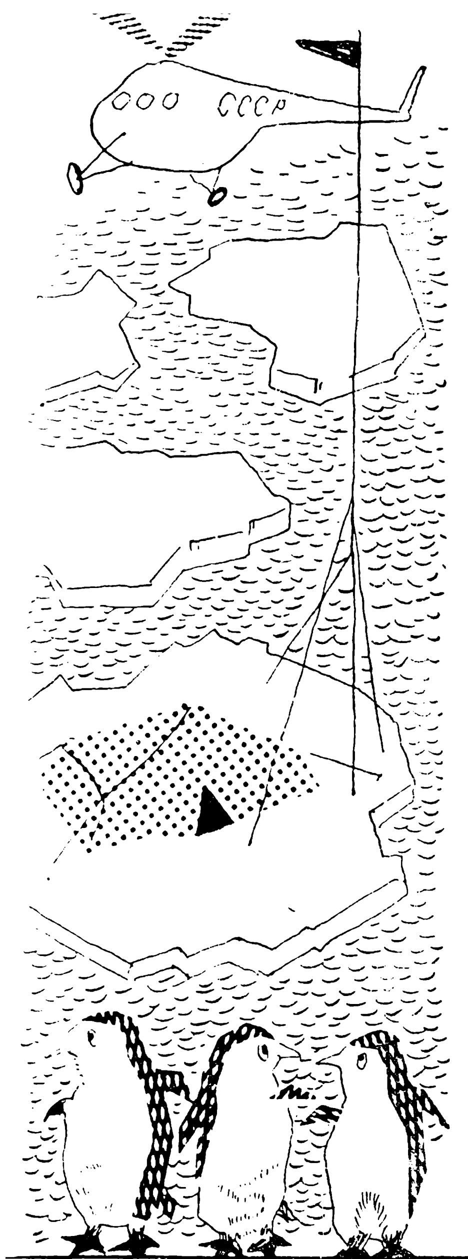
Мама всё время как-то чересчур крепко держала его за руку, пока они шли до дому.

«Не бойся, не убегу»,— невесело думал он.

— Хорошо, что завтра выходной,— сказала мама.— Домашними делами, наконец, займусь.

А Серёжа подумал: «Опять весь день с пустяками провозится. Только выходной загубит».

На другой день после обеда мама мыла посуду и, как

всегда, тихонько напевая, расспрашивала про что-то тонкую рябину. Серёжа сидел рядом и смотрел, как ловко повёртываются у мамы в руках тарелки, чашки, блюдца.

— Мама! Давай я вымою.

Мама недоверчиво взглянула на него и, не то утверждая, не то спрашивая, проговорила:

— Разобьёшь.

— Я? Ни за что! Я же не маленький!

— А ну, попробуй, чего, в самом деле! Отец на зимовке тоже сам моет посуду.

Мама немного помолчала и потом добавила:

— Ага, это ты слово отцу дал — мне помогать. Посмотрим, надолго ли тебя хватит.

— Подумаешь, какое дело!— протянул Серёжа.— Это посуду-то мыть?

— Пока ты за меня посуду вымоешь, я успею на кухне прибрать. Вот и убавится у меня работы,— улыбнулась мама.

Когда попалась тарелка, из которой он днём ел кашу, Серёжа подумал: «Тогда бы мне её и вымыть, как поел, а то вон, как присохли к ней остатки. Конечно,— продолжал между делом размышлять он,— папа сам моет свой котелок, и тарелку, и всё. А кто же ещё за него делает?»

Скоро посуда была вымыта, вытерта и поставлена в буфет.

А когда были сделаны уроки и тетради с учебниками сложены в сумку, Серёжа с сожалением вспомнил, что скоро придётся ложиться спать. Мама в этом никогда не уступает.

Серёжа пошёл на кухню. Соседок там уже не было. Мама стирала бельё.

— Все уроки приготовил? — спросила она.

Серёжа пожал плечами:

— А когда это было, чтоб не все?

— Так будто и не было?! — улыбаясь, сказала мама.

Но сын постарался пропустить мимо ушей это замечание.

— Помощь требуется? — деловито спросил Серёжа, подходя к корыту, полному пены и радужных пузырей.

— Без помощников обходимся,— пошутила мама. И вдруг спохватилась: — Да, ты спрашивал, что ещё по хозяйству бывает? А вот стирка. Отец наш и стирает сам на зимовке.

— Ну уж...— недоверчиво произнёс мальчик,— папа про это никогда не рассказывал.

— Что ж, по-твоему, он сорок пар белья с собой взял или прачку?

— Ого! «Прачку»! Сказала тоже! Очень им, полярникам, нужна там прачка! Там геологи, метеорологи...

— Вот и я об этом же говорю.

Мама быстро и красиво управлялась с бельём. Её сильные белые руки так и мелькали в мыльной пене.

— Мама! Давай я попробую,— попросил Серёжа.

— Ладно. Сейчас будем полоскать, выжимать бельё, а потом на чердак пойдём развешивать.

— Идём. Давай! Выжимать, полоскать! — обрадовался Серёжа и стал засучивать рукава.

И всё-таки лечь в постель пришлось в положенное время.

С тех пор так и повелось у Серёжи: во всём помогать маме.

Он сам мыл посуду, носил воду, дрова. И делать всё это было довольно интересно. Всё зависит от того, как посмотреть на дело. Начистить до огненного сияния примус толчёным кирпичом означало для него «драить медяшку». Перемыть посуду, почистить вилки, ножи — это «вахта на камбузе». Сбегать в магазин — «сделать рейс».

Ему было приятно видеть, как краснела от удовольствия мама, когда соседи хвалили его.

Как-то незаметно для самих себя и соседи стали говорить:

— Надо бы медяшку подраить. Где у нас толчёный кирпич?

И даже общую кухню все называли теперь «камбузом», а лестницу — «трапом».

Попробовал Серёжа сам вымыть пол. Сначала плохо получилось. Хорошо, что мама долго не приходила и ничего не видела.

Не догадался он заранее присмотреться, как это делается.

Просто взял вылил ведро воды на пол и стал водить туда-сюда тряпкой. Потом долго не знал, как ему быть: приходилось ногами всё время ступать по мокрому и пачкать только что вымытую часть пола.

Устав ползать на четвереньках, Серёжа вдруг сообразил:

— А швабра! Ни один корабль не существует без швабры!

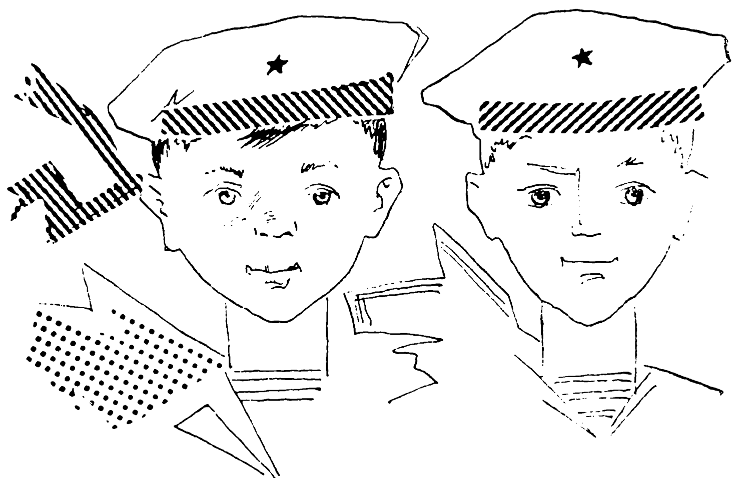
Её удалось смастерить из старой половой щётки. Обмотал тряпкой — и за дело!

Мама застала Серёжу со шваброй в руках. Он шаркал по уже вымытому до блеска полу и распевал «Раскинулось море широко».

Маме всё это очень понравилось, потому что, когда сын отрапортовал ей: «Команда занята уборкой!» — она рассмеялась и ответила:

— Так держать!

ЭТО УЖ ТВЁРДО

Поступить на корабль юнгами мы решили с Генкой давно. Деньги на дорогу у нас уже были отложены.

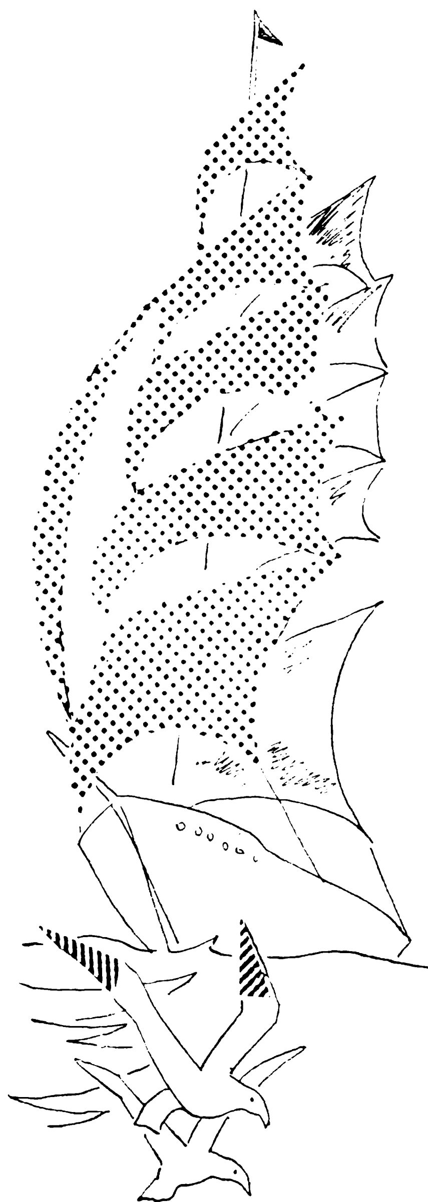
Только вот как дома? Генка хотел, чтобы сначала его отец и мать не знали ничего. Лучше потом, когда нас зачислят на довольствие и форму выдадут, письмом им сообщить про всё и фотокарточку, конечно, выслать.

А можно и телеграфом. Примерно так: «Поиски прекратите точка Всё в порядке точка Юнга Геннадий Шаповалов точка Одесса точка Флотилия Слава точка».

А я решил выложить маме всё начистоту.

Думаю: «Пока она телеграмму получит, очень будет волноваться, а у неё сердце плохое, ей нельзя».

Главное надо быть твёрдым! Если мама увидит, что это

мной решено бесповоротно, то почему же ей не согласиться отпустить меня в Одессу?

Дома я пообедал сначала. А потом набрался духу и говорю:

— Мама, у меня к тебе дело,— твёрдо так говорю, серьезно.— Я мама, решил стать моряком!

А мама отвечает:

— Правильно решил! Мне кажется, из тебя будет неплохой моряк. Душа у тебя открытая,— и даже вроде обрадовалась, нитку откусывает и на меня смотрит, улыбается.

«Эх,— думаю,— надо мне сразу, до конца всё сказать!»

— Мамочка, я решил теперь же стать моряком.

Смотрю, мама шитье в сторону откладывает, хмурится, но не кричит, не бранится, а тихо переспрашивает:

— Теперь же? Решил, значит?

Я даже рот от удивления открыл. «Вот так штука,— думаю.— Даже уговаривать не пришлось».

Надо бы радоваться, а я что-то не радуюсь. А уж чего лучше, кажется? Как бы мне сейчас Генка завидовал!

Смотрю, мама убрала совсем шитьё, пошла к Лидочке, сестрёнке.

Слышу она говорит:

— Вот Лидок, мы теперь совсем одни остались. Папы у нас нет. Вадик тоже от нас уезжает.

Лидочка, конечно, ничего не понимает — маленькая она. Ей всё равно: уезжает так уезжает. А я-то понимаю, как мама переживает. Но креплюсь. Раз решил, значит, решил.

На другой день мама говорит как бы между прочим:

— Ты уж заявил директору?

— Нет,— отвечаю.

— Нехорошо. Нужно сказать. И попрощаться с учителями тоже нужно.

«Что это она,— думаю,— смеётся, что ли? Как это у меня язык повернётся про такое секретное дело сказать?»

А мама, вижу, не смеётся, какое там! Говорит:

— Теперь мне на час раньше нужно будет вставать, чтобы Лидочку в садик отводить.

Лидочку всегда я водил.

— Потом,— продолжала она,— придётся мне на час позже возвращаться.

«За Лидочкой после работы будет заходить»,— подумал я.

Да, в самом деле забот ей прибавится. И в магазин, и за водой, и мало ли ещё чего по хозяйству, что я делал. Но креплюсь, хотя, конечно, очень жалко мне маму.

— Лидочку,— говорит опять мама,— придётся по воскресеньям в садике оставлять.

И Лидочку тоже жалко стало. «Ну ничего,— думаю.— Я ей буду игрушки присылать, ракушки из разных морей».

— Я, мам, всю зарплату тебе буду присылать.

— Да какая у тебя зарплата, у юнги? Наверное, никакой и не будет,— грустно отвечает мама.

— Должна быть зарплата, хотя бы маленькая, а должна.

— Нет, сынок, проживём как-нибудь с Лидочкой.

И вот такие разговоры пошли каждый вечер. Ну хоть совсем домой не приходи! Да и в школе разве отпустят? Ведь закон такой есть, всеобуч называется: все обязаны среднее образование получить. Закон! Поди попрощайся тут!..

Генка, гляжу, тоже хмурый ходит. Раньше всё приставал ко мне, торопил.

«Ты,— говорит,— своего счастья не понимаешь! Если бы меня отец отпустил сам, как тебя мать, так я бы!..»

А теперь смотрю, молчит Генка, только вздыхает. Я уже стал думать, что он без меня решил уехать. Но оказалось совсем другое.

Прихожу как-то к нему, а он грустный такой сидит.

— Вот,— говорит,— смотри! — и даёт мне газетную вырезку из «Комсомольской правды».

— Ничего особенного,— отвечаю,— объявление обыкновенное. В мореходное училище объявляется набор.

— «Ничего особенного»! — передразнивает меня Генка.— Штурманов дальнего плавания готовят в этом училище. Понимаешь — дальнего! Это тебе не юнга какой-нибудь.

— Так ведь надо школу кончить, чтоб туда поступить!

Генка выхватил у меня вырезку, разгладил, сложил вдвое, потом вчетверо, и в нагрудный карман спрятал. А сам молчит.

Я тоже молчу, понимаю, о чём он думает. Конечно, штурманом лучше бы, только в училище экзамен конкурсный. Тут надо школу кончать только на одни пятёрки! А у Генки сплошь тройки. Куда уж ему!

Потом показал мне Генка открытку: парусный корабль «Товарищ».

— Учебный,— объясняет Генка.

И тут как-то получилось, что мы оба разом вздохнули.

По дороге домой я всё время думал про объявление, про нас с Генкой и про то, что я вот могу, если захочу, окончить школу на пятёрки, а Генка — нет. А потом подумал, что и Генка сможет, надо только помочь ему подтянуться.

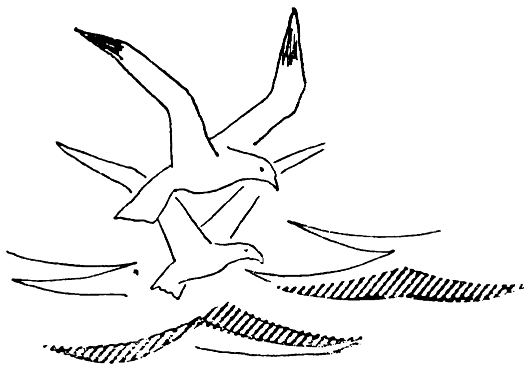
И вот, пока то да сё, расхотелось мне уезжать.

А тут ещё мама заболела.

Так и не поехали мы с Генкой в Одессу.

Он, правда, говорит, что только из-за меня остался. А сам так на учёбу навалился, что все удивляются. Врёт он, что с горя за учебники засел. Я знаю, в чём тут дело! Я и сам занимаюсь теперь изо всех сил, ну и Генке, помогаю.

А с мамой мы решили, что после школы я в мореходное училище поступаю. Это уж твёрдо!

НОВАЯ ТРАССА

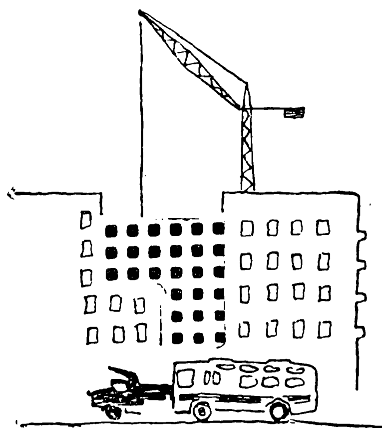
До дома оставалось меньше квартала. Борис уже свернул на свою улицу, прокатился по ледяной полоске на тротуаре и снял варежку, чтобы потереть подозрительно затвердевший нос.

Вдруг он услыхал позади себя крик женщины:

— Задавили! Задавили!

Борис вздрогнул и обернулся. По улице, которую он только что перешёл, по-прежнему мчались машины. Но одна — трёхтонка — стояла у перекрёстка, кузов её занесло на тротуар. Перед радиатором автомобиля, крича, металась женщина. К ней спешили прохожие. Из кабины грузовика выскочил шофёр с белым, как снег, лицом.

Когда Борис подбежал к месту катастрофы, из расступив-

шейся толпы вышел шофёр, неся на руках мальчика с запрокинутой назад кудрявой головой.

Толпа росла, и люди всё больше и ожесточённей спорили, кто виноват в несчастье и до какой больницы ближе.

Какая-то женщина села в кабину, шофёр передал ей на руки мальчика и взялся за руль. Машина тревожно засигналила и рванулась вперёд.

Вскоре перекрёсток опустел. Остались только ребятишки с салазками.

Некоторые мальчики были знакомы Борису. Почти все они были с той улицы, где жил и он. Улица круто спускалась к перекрёстку и считалась поэтому самым удобным местом для катания на салазках.

Борис и сам порой любил скатиться тут на лыжах. Заманчиво было лихо развернуться перед самым носом у пролетающих машин под одобрительные, как всегда казалось Борису, взгляды прохожих.

Борис нагнулся и поднял полоз от разбитых салазок. Мальчики молча смотрели на него, ожидая, что он станет делать. А Борис вдруг страшно округлил глаза и закричал неожиданно осипшим голосом:

— Эй, вы! Если я хоть одного увижу на этой горке, я... Эй, вы, слышите?

Ребята шарахнулись от

него в стороны, сталкиваясь санками. В другое время их не так-то легко было испугать.

«Нужно что-то спешно предпринять, чтобы малыши больше здесь не катались»,— думал Борис, подходя к своему дому. Но что именно предпринять, он не знал.

«Какой я дурень,— вдруг спохватился он.— Надо было расспросить малышей, чей это мальчик попал под машину, узнать, где он живёт и сообщить родителям о несчастье».

Борис бросился бежать обратно. Вот и спуск. Так и есть: двое малышей опять несутся вниз на салазках по крутому спуску, крича во всю мочь прохожим: «Дорогу!!»

— Эй, ребятки! — притворно ласково крикнул им сверху Борис, когда те съехали с горы.— Сюда! Ко мне, ребятки! Дело есть!

Но малыши, завидев его, пустились наутёк.

— Эй, я не трону, идите сюда! — кричал Борис.

Но ребята юркнули в ближайшие ворота и больше не показывались.

Уверенный в том, что они всё-таки наблюдают за ним из подворотен, Борис погрозил им кулаком. Потом решительно зашагал к дому, в котором жил один из свидетелей сегодняшнего несчастья, братишка Сергея Бойко, одноклассника Бориса.

Оба брата оказались дома. Младший — круглолицый, с ямочками на пухлых, будто нарочно надутых щеках,— увидев Бориса, поспешно спрятался за спину старшего. Тот был совсем непохож на братишку — худой, с узким лицом и тонкой, длинной шеей. Товарищи по школе прозвали его Лозой.

— Входи, входи, Борь,— обрадованно сказал Сергей.

— Я уже вошёл,— хмуро ответил Борис.— Мне, Лоза, с ним вот переговорить надо,— он кивнул на брата Сергея.

— А ну, выкладывай,— обратился Борис к малышу.— Кто тот мальчик, который сегодня под машину попал? Ты его знаешь? Где он живёт?

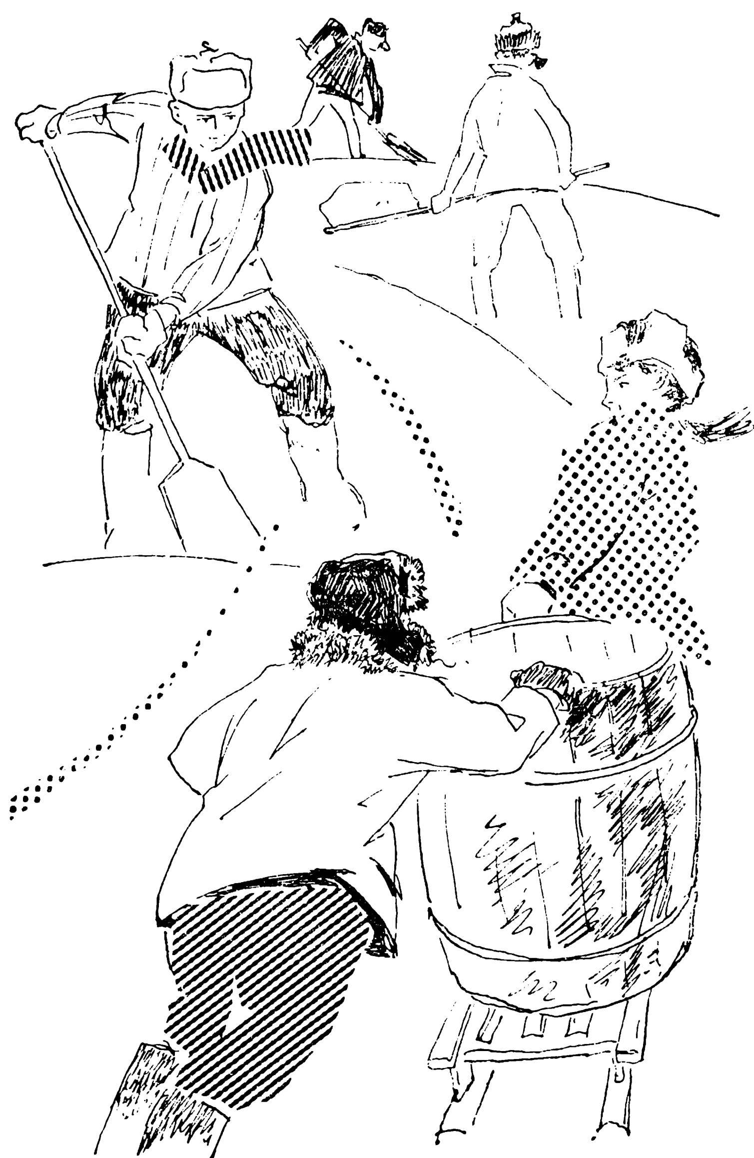
— Знаю. Это Ваня Чижов, он рядом с нами живёт. Его мама уже знает. И папа. Они в больницу уехали.

— Так...

— Что случилось, Боря? — встревожился Сергей.

— А вот спроси... этого наездника,— и Борис так посмотрел на малыша, что тот попятился и засопел носом, собираясь, видимо, зареветь.

Когда Борис рассказал обо всём товарищу, Сергей схватил за плечо братишку, притянул к себе и молча стал вра-

щать свой кулак перед носом малыша. У того круглые глазёнки мгновенно заблестели от слёз. Затем Толику торжественно была обещана небывалая взбучка, если он ещё хоть раз... Но малыш, не дожидаясь конца чересчур внушительной речи брата, тут же дал слово не кататься больше на улице.

— Чепуха,— вмешался Борис,— разве их удержишь? И не у всех к тому же есть старшие братцы с такими, как у тебя, Лоза, кулаками.

— Что же делать? — спросил Сергей.

— Вот что,— решительно проговорил Борис.— Давай-ка...— он отвёл в сторону Сергея и стал что-то громко нашёптывать ему на ухо.

А через пять минут Борис и Сергей выбежали из дому.

Спустя некоторое время в разных концах района, где жили мальчики, можно было видеть ребят, стучавшихся в двери, калитки и окна. Они торопливо произносили слова: «Сбор по цепочке! Светлая улица, 17, в шесть часов вечера»,— и спешили дальше.

Ровно в шесть часов в квартире Бориса звенели возбужденные голоса двенадцати пионеров.

— Ребята! Слушайте, ребята, я предлагаю золой и песком засыпать весь спуск! — это говорил мальчик с рыжей, будто охваченной пламенем, головой.

— А выпадет снег и засыплет твою золу, опять малыши кататься станут.

— Правильно, знаем, сами были когда-то малышами. Зола — только до следующего снегопада.

— Да что снегопада? Что снегопада? — горячился Сергей.— Ветром за ночь сметёт вашу золу, и всё. Без всякого снегопада...

— Дельное предложение имею,— сказал, вставая, плечистый паренёк в шерстяной мохнатой фуфайке.— Может, кому и не понравится, хлопот, конечно, много...— он обвёл товарищей спокойным взглядом и закончил: — Нужно проложить новую трассу.

— Чего?

— Новую трассу проложить для малышей, безопасную... Ну, горку ледяную сделать. Тут вот, в переулке,— он махнул рукой на тёмное окно, за которым лежал тихий, обычно пустынный переулок — ни машин, ни подвод.

— Правильно! — вскричал в восторге Борис.

Переждав бурю обрадованных возгласов, плечистый паренёк предложил разойтись по домам.

— Через сорок минут все должны быть здесь с лопатами,— закончил он.

— Сверим часы,— взглянув на циферблат, предложил один из пионеров, будто забыв, что часов, кроме него, ни у кого нет.

— И пусть каждый предупредит дома, чтоб до утра не ждали,— сказал плечистый мальчик.— А Борис и Лоза пусть подготовят кадки для воды, вёдра и пару салазок. Ну, пошли!

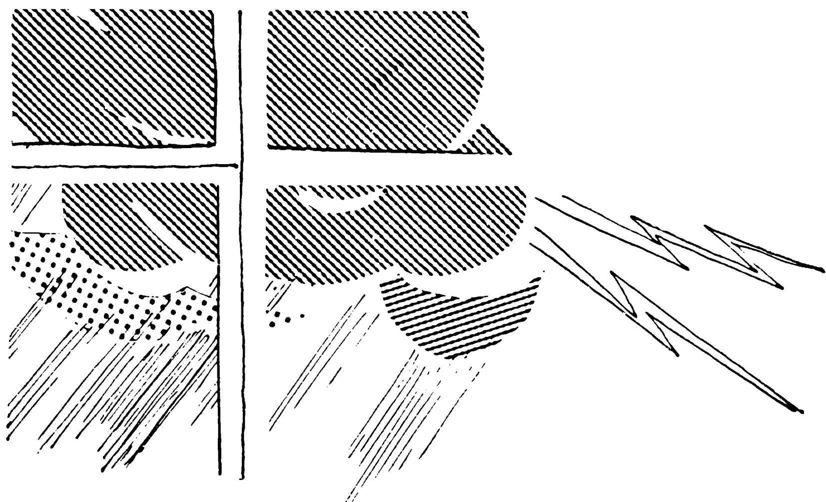
И ребята гурьбой поспешили к выходу.

Когда все вновь собрались около дома Бориса, счастливый обладатель часов удовлетворённо отметил:

— Опоздавших нет. И вообще... пора начинать, товарищи.

И гурьба пионеров с лопатками на плечах, вёдрами и кадками на санках зашагала в переулок, по которому сегодня ночью должна была пролечь новая безопасная «трасса»...

ТАЙНА ПРИРОДЫ

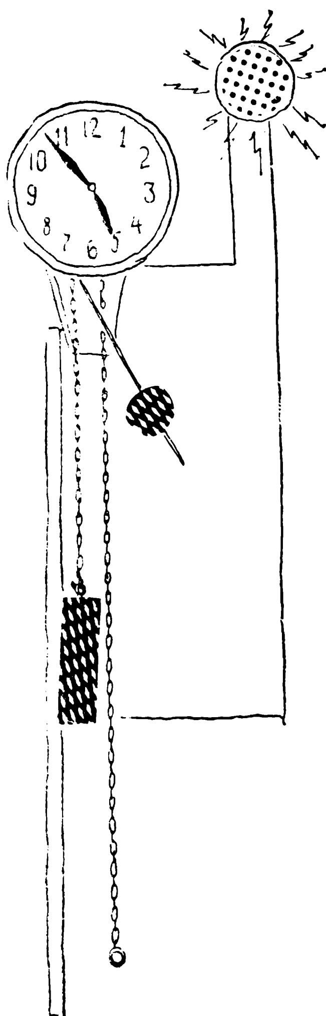
В воскресенье пришёл ко мне Лёнька и говорит:

— Давай подумаем, нельзя ли найти ещё какое-нибудь применение батареям, которые раньше смастерили, всё-таки нам отчитываться скоро.

Это он про политехнический кружок. На следующем занятии кружка мы должны делать доклад об электрических батареях. Вот Лёнька и беспокоится.

— Нечего думать,— говорю.— Всё уже делали и переделали. И электрозвонок, и моторчик с вентилятором к батареям уже подключали. Даже телеграфный аппарат и телефонную линию на школьной выставке показывали.

— Ну, чего нам стоит! — упорствует Лёнька.— Давай ещё пошевелим мозгами.

— Некогда шевелить. Времени у нас в обрез. Смотри, уже двенадцать часов, а ты в десять обещал ко мне прийти...

— Стой! — вдруг кричит Лёнька и вцепляется рукой в моё плечо.— Стой, смотри на часы! Смотри, ну?

— Часы как часы,— отвечаю я.— Будильник обыкновенный. Да отпусти плечо.

А он хохочет и передразнивает меня:

— Дурак ты обыкновенный! А ну, пошевеливай мозгами!

И тут в самом деле у меня в голове как будто что-то повернулось.

— Электрические?!— спрашиваю.

— Ну, конечно же! Электрические часы-будильник. Только, чур, это я изобрёл!

— Ладно,— говорю ему,— надо сперва сделать.

— Сделаем! Сделаем! Не сомневайся!

А я уже и сам не сомневаюсь, что сделаем. Мы с Лёнькой всё можем.

И вот стали мы думать.

Лёнька схватил с комода будильник, поставил на середину стола, бегает вокруг, ладони потирает, а сам с часов глаз не сводит, словно фокус собирается делать.

Лёнька всегда такой, когда мы что-нибудь изобретаем, потому что человек он очень увлекающийся.

Я спохватился и будильник опять на комод поставил.

— Нет,— говорю,— это не пойдёт. Будильник не дам. Лучше из бабушкиной комнаты ходики возьмём.

Я ещё не позабыл, как мы будильник ремонтировали, а потом его ни в какой мастерской не хотели брать в починку.

Лёнька на это тоже ничего не сказал, тоже, видно, вспомнил тот случай.

— Ходики, так ходики,— соглашается он.— Лучше даже. Таких ходиков ещё нет, чтоб будильником были.

— Идея! — кричу я.— Давай усовершенствуем ходики. Сделаем ходики-будильник! Понимаешь? Электрические!

— А я что говорю? Тоже нашёлся. Это ведь я придумал!— обиделся Лёнька. Он всегда такой, жадный к славе.

Минута — и ходики наши. Повесили мы их на стенку и стали опять думать.

— А чего тут думать? — говорю я.— Нам ведь только замыкание осуществить на электрозвонок. Смотри, вот гиря, она всё ниже и ниже опускается. Так?

— Так. А дальше?

— Вот если сделать линейку с поперечными выдвижными планочками-контактами и повесить так вот рядом, вдоль цепочки.

— Понимаю, понимаю! Если, скажем, я хочу, чтобы звонок зазвенел в семь часов утра, нужно выдвинуть ту планочку, против которой гиря всегда в семь часов находится...

— Ну да, звонок зазвенит, потому что ток от батарейки пройдёт по цепочке, на которой гиря подвешена, потом — через гирю, контакт и — к звонку!

— А ведь здорово! Ай, да мы!

Ну, малость побесились мы на радостях, а потом за дело принялись.

Эх, и задали нам жару эти ходики!

А всё оттого, что мы торопились и всё делали кое-как. А техника этого не любит.

Сначала мы заметили, где гиря находится в данный момент. Потом — до какого уровня она спускается через полчаса, через час. Измерили, насколько она за это время опустится вдоль стенки.

Так целый час и провозились с ходиками. Потом сообразили, что за второй час гиря пройдёт такое же расстояние, как и за первый. Соответственно с этим разметили линейку, медные планочки на ней укрепили, и всё это пристроили на стенку, вдоль цепочки. Звонок и батарейку присоединили.

Один провод от батарейки протянули к ходикам, другой — к звонку. Звонок соединили с медными планками. И всё.

Когда гиря, постепенно опускаясь, коснулась выдвинутой планочки и звонок зазвенел, мы с Лёнькой от радости чуть не задушили друг друга.

Ещё бы! Ведь мы первые изобрели электрические ходики-будильник!

С того дня мы сдали ходики в эксплуатацию, то есть стали применять их в жизни.

Ну, и доставалось же нам от старших! Потому что все в квартире ходили злые, невыспавшиеся. Проклятые ходики звонили раньше времени.

Поставишь их на восемь часов утра, а они в четыре часа звонят.

Потом мы узнали, в чём дело. Оказалось, неправильно линейку разметили. Стали наши ходики, наконец, вовремя звонить.

Но вот что произошло за день до нашего отчёта в кружке.

Я был дома. Вдруг слышу, наши ходики-будильник: трынь-трынь... Тихонечно так. Я удивился, думаю, что это они? Испортились, что ли? Поставлены на семь часов вечера, а сейчас только пять. Гиря от контакта ещё далеко.

Думаю, это мне послышалось. Вдруг опять: трынь-трынь! Подбежал я к ходикам. Ничего не понимаю. А они снова: трынь-трынь. Звонят! Уже громче!

Но не может звонок сам звонить. Не должен! Ничего не понимаю!

Помчался к Лёньке — он рядом живёт, в соседнем доме. Вбегаю к нему, смотрю, он окна поспешно закрывает, потому что на улице ветер поднялся, и гром гремит.

— Звонит! — кричу я Лёньке.

— В левом! Угадал?

— Да не в ухе звенит! Будильник звонит, ходики. Понимаешь?

Он плечами пожимает.

— Ты что,— говорит,— обалдел? Они уже давно у нас правильно работают.

— Да, но звонят сейчас, а поставлены на семь часов для проверки.

Лёнька даже сел.

— Ну и ну, состряпали точную механику,— говорит.— А завтра кружок...

— Да нет,— пытаюсь я ему объяснить.— Они вообще-то

правильно работают, а сейчас они почему-то зря звонят. Бежим скорее!

Прибежали. Ходики только постукивают.

Лёнька посмотрел на меня странно так и спрашивает:

— А ты не того?— и пальцем у моего лба покрутил.

Вдруг как зазвонит звонок! Лёнька даже вздрогнул. А за окном в это время молния полыхнула, и за ней — гром.

Лёнька вдруг замер на месте, одной рукой за окно показывает, а другой в сторону ходиков тычет:

— Клянусь,— говорит,— мы с тобой что-то такое нечаянно открыли,— а сам то на окно смотрит, то на ходики.

И правда, опять блеснула за окном молния, и звонок одновременно: Т-р-р-р.

Лёнька на меня глядит, я — на него.

И оба мы уже понимаем, что звонок звонит от грозы.

— Переждём грозу!

— Переждём!

И стали мы ждать.

После грозы звонок ни разу не брякнул, а ровно в семь точнёхонько ходики отзвонили, как им и полагалось.

Плохо нам спалось в эту ночь. И на уроках мы сидели, ничего не слушая, думали о своём открытии. И всё переглядывались. Даже ребята заметили. Спрашивают:

— Чего это вы?

А мы переживаем, но помалкиваем.

И вот, наконец, все собрались в физический кабинет. Здесь наш политехнический кружок всегда проводит теоретические занятия, а работаем мы в мастерской.

Повесили мы на стенку ходики, линейку с контактами приспособили, батарейку и звонок подключили. Стоим рядом и никому ни до чего дотрагиваться не позволяем.

Когда Семён Фёдорович, наш учитель физики, вошёл, все ребята расселись по своим местам. А мы с Лёнькой стоим возле ходиков.

Семён Фёдорович взглянул на нас, потом — на ходики, достал очки, подышал на них и стал протирать платком. Удивительно белый у него всегда платок.

— Чего это ради тут почётный караул стоит? — спрашивает.

Ребята, конечно, засмеялись, но мы будто бы внимания не обращаем.

Лёнька начал так:

— Мы открыли неизвестную тайну природы...

И ребята опять засмеялись, а Семён Фёдорович посмотрел внимательно на Лёньку и говорит:

— Во-первых, если тайну, то слово «неизвестная» уже не к чему употреблять. А, впрочем, продолжай...

Вижу я, Семён Фёдорович очень заинтересовался, даже очки снял и на стол положил.

Тут мы рассказали обо всём, что было. Ребята притихли, во все глаза на нас смотрят.

Когда мы кончили рассказывать, Семён Фёдорович спрашивает:

— А вы не читали ничего об Александре Степановиче Попове?

— Не читали,— отвечаем.

— Верю,— говорит Семён Фёдорович,— потому что вижу — у вас носы даже от волнения побелели.

Попробовал я свой нос увидеть, но как ни косил глаза, не видно, чтоб побелел он. А у Лёньки, правда, нос белый и вспотел даже. Но никто не смеялся. Все ждали, что Семён Фёдорович скажет дальше.

И вот он что рассказал:

— Попов Александр Степанович — изобретатель радио. Ещё в детстве он такие же ходики-будильник смастерил. Они у него тоже однажды во время грозы звонили будто бы без причины. А впоследствии, будучи уже профессором, Попов сконструировал прибор, так называемый грозоотметчик, который не только от грозовых разрядов подавал звонок, но и от несравненно более слабых электрических разрядов. По сути дела, это и было открытием радио.

— Так мы снова радио открыли? — поразился Лёнька.

— Нет, радио вы не открыли. Но вы с Серёжей молодцы!

Так и сказал.

— Вы,— говорит Семён Фёдорович,— очень остроумно сконструировали электроустройство к ходикам. И правильно догадались о связи двух явлений — грозы и сигнала электрозвонка. Это уже немало. Даже очень много!

Так и сказал.

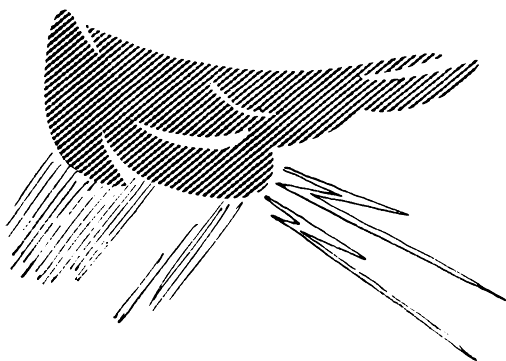
Потом велел он нам с Лёнькой на свои места сесть и стал объяснять.

Оказывается, электрические разряды были восприняты во время грозы нашими ходиками, как и вообще всеми другими металлическими предметами. А так как наша линейка с контактами, присоединёнными к электрозвонку, была очень близко расположена к цепочке ходиков, то электричество

проскочило невидимой искрой от цепочки к контактам, и звонок зазвонил.

Много интересного рассказал нам тогда Семён Фёдорович про радио, да только не всё. «Остальное,— сказал,— узнаете позднее». Это потому, что мы очень мало ещё по физике и по математике прошли, а без этого, оказывается, просто немыслимо узнать никакой тайны природы.

А уж как нам хочется всё узнать! Об этом даже рассказать трудно.

ССОРА

Мы тогда даже подрались с Савкой.

Ребята говорят, что теперь он собирает компанию, чтобы встретить меня после школы и отколотить. Зря старается! Стоит мне только рассказать его друзьям обо всём, так они самого Савку отдубасят, пожалуй. Даже наверняка. Потому что предателей все ненавидят. И правильно!

Если, например, собака тебе друг, то и ты будь ей другом. А раз сам нарочно отдал её на мучения, так значит, ты предатель и больше никто.

Ведь дружили мы с Савкой? Дружили Ну, подрались. Так и дерись один на один, если до этого дошло. А он что? Собирает компанию бывшего друга бить.

Джульбарс достался Савке маленьким щенком. В день рождения ему подарили.

— Собака — лучший друг человека,— всё время говорил Савка.

Он сразу тогда щенка Джульбарсом назвал, хотя это была обыкновенная дворняга, а совсем не та овчарка, про которую кинокартина есть.

Савка сначала очень много возился со щенком, но когда тот подрос, то надоел ему. Надо было учить собаку, а он чего делал? — «Джульбарс, ко мне! Джульбарс, пошёл вон!»

Разве это воспитание? А потом даже кормить перестал. Я сколько раз стыдил Савку за это. А он в ответ:

— Не сдохнет, мать ему чего-нибудь выплеснет.

Вот тебе и лучший друг человека! У собаки даже конуры не было, а на дворе зима.

Я не раз просил Савку:

— Отдай мне. Я Джульбарса, знаешь, как воспитаю!

А он говорит:

— Охота была задаром свою собаку отдавать.

Вот он каким оказался, Савка! Но мы тогда дружили, и я ничего на это ему не сказал.

А позавчера пошёл я к нему. Слышу, мать зовёт его со двора:

— Савватий! Савватий!

А Савки нет. Смотрю, и Джульбарса нет во дворе. Думаю, бедный пёс, наверное, опять на свалку убежал, кости искать под снегом.

Тут Савкина мать вышла во двор.

— Не видел Саввушку?— спрашивает.

— Нет, не видел,— отвечаю.

— Он повёл собаку,— говорит она,— в мединститут. Давно бы вернуться должен.

И опять зовёт:

— Саввушка!

Я подождал, пока она перестанет кричать, и спрашиваю:

— А зачем он Джульбарса в мединститут отвёл? Надо к ветеринару, если пёс заболел.

— Саввушка повел продавать собаку. Объявление было. Нам она ни к чему.

— А зачем мединституту собака? Сторожить?

— Нет,— говорит Савкина мать,— для опытов.

«Вот так Саввушка!»— думаю. Известное дело, какие там опыты бывают. Сделают дырку в животе и начнут по резиновой трубке откачивать всякие там желудочные соки.

Мать Савки ушла в дом. А я стою и не знаю, что мне делать. Так мне Джульбарса стало жалко, так жалко! Тут как раз Савка пришёл. Весёлый такой, конфеты жуёт.

— Порядочек,— говорит,— два рубля имею. Могу на кино в долг дать.

Я разозлился, подскочил к нему и стал ругать его за Джульбарса:

— Как ты смел Джульбарса на опыты продать! Из него сторожевую собаку можно сделать!

Савка как закричит:

— А какое тебе дело! Моя собака, что хочу, то и делаю! Катись с нашего двора!

Лезет на меня, рожа у него противная, рот, как у жабы, и шоколадной конфетой выпачкан. А глаза юлят, не могут прямо смотреть. Вдруг он как замахнётся на меня!

— А! Так?— говорю.— На!— и дал...

Савка упал в снег. Надо было ему добавить, да лежачего не бьют.

Я ушёл и не оглянулся.

Дома я стал думать, как выручить Джульбарса. А как его выручишь?

Надо деньги отдать, два рубля.

А у мамы просить бесполезно, потому что у неё нет сейчас денег, я знаю. А медлить нельзя — с Джульбарсом могут успеть какой-нибудь опыт сделать.

Я всё-таки придумал. Схватил свои новенькие коньки — и на улицу. «Кому бы продать?»— думаю.

Вышел я на центральную площадь. Постоял, постоял. Холодно. Смотрю, идёт через площадь женщина, я — к ней.

— Купите, тётенька, коньки. Мне только два рубля нужно.

Она посмотрела на меня подозрительно и спрашивает:

— А ты не украл их, мальчик?

— Нет,— говорю,— что вы, тётя, честное слово, мои. Купите, пожалуйста, мне очень два рубля надо.

— А зачем тебе?

— Очень надо. Срочно требуются.

— Ты, наверно, удрать из дому решил? Тебе на билет деньги нужны? Да, мальчик?

— Эх!— говорю.— Зачем мне убегать? Я уже убегал один раз, и знаю,— ерунда это. Незачем.

— Ну,— говорит,— если уж убегал, то больше незачем.

Смотрю, около нас ещё какая-то тётка с кошёлкой остановилась, вся в платок закутанная, глаза чуть видны.

Это Савкина мать была. Я её даже и не узнал сразу.

Та женщина и говорит ей:

— Как это неприятно видеть, когда дети своими вещами торгуют!

А Савкина мать отвечает:

— Ничего, я его знаю — это соседский мальчик. А почём,— спрашивает,— продаешь?

Я сказал.

— Дорого. Уступай за рубль семьдесят.

— Так ведь они с ботинками!

— Ну, как хочешь,— и делает вид, что уйти хочет. А та, другая женщина, уже ушла.

Подумал, подумал я и говорю:

— Ладно, берите коньки.

Взял я у Савкиной матери деньги и припустил бегом.

«Всё равно,— думаю,— теперь можно в мединститут идти». Скажу: «Вот рубль семьдесят, а тридцать копеек к вечеру принесу». Лишь бы только подождали опыты делать с Джульбарсом.

И ещё думаю: «Зачем мать Савке коньки купила? Ведь у него же есть одни! На руки ему что ли вторые надевать и на четвереньках кататься?!»

Мне очень смешно сделалось, когда я представил себе Савку в таком виде, и даже коньков не так жалко стало.

Только от мамы, конечно, достанется.

Примчался я в мединститут, а меня вахтер старик не пускает.

— Куда?— говорит.— Зачем тебе собаку?

Хорошо, тут один студент подошёл. Я с ним потом познакомился, Костей его зовут.

Вижу: в военной гимнастёрке, лицо доброе. Я к нему. Сразу начистоту всё выложил. Так, мол, и так. Надо выручать собаку.

— Верно, надо выручать.

И стал в своих карманах рыться. Только денег не оказалось у него.

— Ничего,— успокаивает он меня,— не унывай. Сейчас раздобудем.

А вокруг нас уже студентки и студенты столпились.

Весёлые все такие, вопросы мне задают, а ответов не слушают,— разговаривают, смеются.

Костя сказал им:

— Эй, друзья! Вытряхивай у кого что за душой осталось.

Потом мне:

— Понимаешь, друг, у нас перед стипендией всегда кризис. Но ничего, для такого дела найдём!

И верно: у одной студентки нашлось, другие надавали, кто сколько, и даже вахтер дал.

— Сумасшедший дом какой-то, а не служба,— ворчит дед вахтер.

Но это он нарочно, потому что я вижу,— он тоже смеётся.

Эх, и хорошие они там все!

— Я завтра принесу, товарищи студенты,— обещаю я им.

А они смеются:

— Не надо! У нас такая традиция — долги не отдавать.

А другие говорят:

— Мы подождём, когда ты к нам в институт поступишь.

Потом мы пошли с Костей туда, где собаки для опытов содержатся. Это — во дворе.

Там отдельный дом есть. Слышно, тявкают собаки на разные голоса, только не видно их. Оказалось, что в подвале они.

Когда мы вошли, там такое поднялось!

Лают, визжат, тявкают. Их там не меньше полсотни было.

Джульбарса я сразу увидел, зову его, а он бедный, ошалел, не подходит, а потом как кинется ко мне!

Когда Костя увидел Джульбарса, сказал:

— Ну и дурак же твой Савка. Такую собаку продать!

— А то! Ещё какой! Только,— говорю,— знаете, Костя, я бы всех собак выкупил, если бы деньги были.

Он улыбнулся и ничего не сказал.

Тут как раз и тот человек подошёл, который собак принимает. Отдал ему Костя деньги, а Джульбарса я сразу на свой пояс взял.

Опыта с ним ещё никакого не делали.

Мы уже двор перешли, когда, слышим, звонок зазвонил. В институте, значит, тоже, как у нас в школе,— дисциплина.

Костя спохватился.

— Ну, прощай,— говорит,— мне на лекцию пора. Приходи ко мне в общежитие. Подружимся.

Хлопнул он меня слегка по шапке на прощанье и говорит:

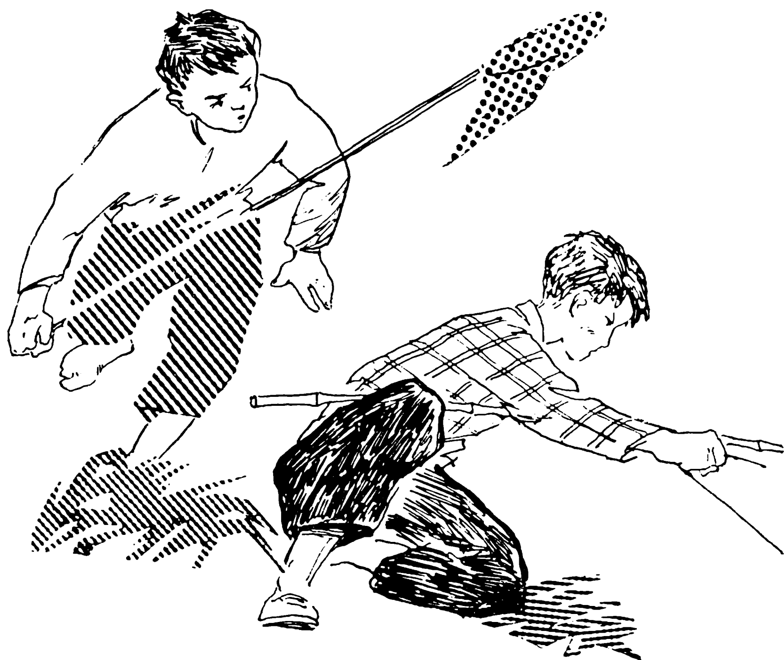
— Быть тебе врачом, парень, потому что душа у тебя — человечья.

Вот чудак! Конечно, не собачья, раз я человек.

А Джульбарс теперь у меня живёт! Буду его хорошо кормить и учить.

Вот только не знаю, как бы Джульбарса от Савки отвалить, чтобы он его даже на улице не узнавал?

БАМБУКОВОЕ УДИЛИЩЕ

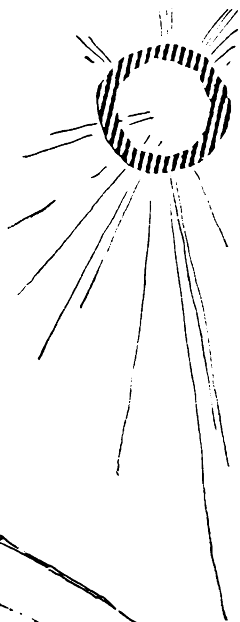
С той стороны реки, с лугов, налетал ветер, и тогда камыши, будто сочувствуя Володе, качали головками. «Што такое, што такое» — казалось, шелестели они.

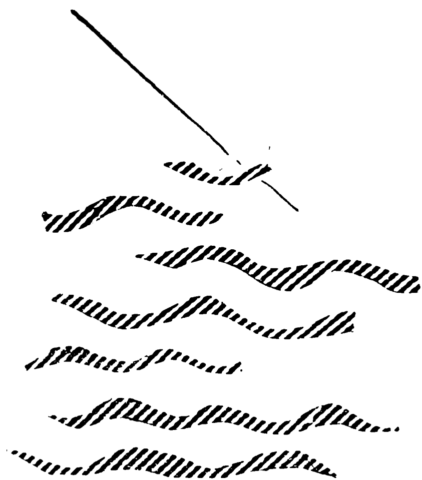
Утро было раннее, место самое подходящее, а вот клёва не было. Не хотела брать рыба!

Володя услыхал за спиной чьи-то осторожные шаги. Оглянулся. К нему подходил незнакомый мальчик с длинным золотистым бамбуковым удилищем на плече и сачком, тоже на бамбуковом черенке.

Мальчик остановился неподалёку от Володи и поставил на землю небольшое ведёрко.

— Клюёт?— тихо спросил он.

Володя отрицательно помотал головой.

— Ты вот что... можно, я рядом?— снова спросил мальчик.

Володя угрюмо взглянул на него, согласно кивнул и взялся за своё удилище. Оно было гибкое, длинное, недавно вырезанное в зарослях орешника.

Когда Володя, вытянув из воды леску, с досадой осматривал нетронутую насадку, он перехватил скептический взгляд, брошенный соседом на его снасть.

«Тоже мне! Заимел бамбуковое удилище и воображает»,— с раздражением подумал Володя.

Мальчик открыл было рот, чтобы сказать что-то, но Володя, грозно сдвинув брови, пресёк:

— Не болтать, если рыбачить пришёл.

Володя натянул потуже кепку и снова забросил удочку и стал ждать.

Скоро мелкая рябь от броска улеглась, и выкрашенный в красную краску поплавок застыл неподвижно, будто приклеенный к зеленоватому зеркалу воды.

Вдруг рядом с поплавком появилась шишковатая голова лягушки. Она недоуменно пучила глаза на поплавок.

«Вот бы тебя по башке»,— едва успел подумать Володя, как его удилище, воткнутое

в берег, вдруг рухнуло в воду, шлёпнув гибким концом по лягушке.

Володя вытащил из воды удилище и снова воткнул его в берег, искоса глядя на соседа.

Шагах в пяти от него мальчик, размотав леску, укрепил в земле рогульку, затем, помяв что-то в пальцах, насадил на крючок насадку и закинул удочку. Своё бамбуковое удилище он поставил на рогульку, слегка всадив конец его в берег.

«На хлеб ловит,— подумал Володя.— И рогульку, гляди-ка, с собой приволок! Конечно, у него удилище в воду не плюхнется, как у меня».

Мальчик сел, поджал ноги, обхватил руками колени и упёрся в них подбородком. Он был без кепки. Давно не стриженные светлые волосы падали на лоб до бровей; ветерок слегка шевелил их. Руки с острыми локтями были тонкие, загоревшие дочерна.

Володя отвернулся и снова стал смотреть на уснувший поплавок. Чуть колыхались камыши. Тот берег весь уже светился под солнцем. Редкие синеватые клочки тумана цеплялись за прибрежные кусты. Когда Володя снова взглянул в сторону соседа, кепка его сама собой поползла на затылок: в руках у мальчика отливал золотом порядочных размеров сазан.

«Когда это он?» — удивился Володя.

Он хотел было вскочить и подбежать к счастливцу, но раздумал.

«Дай-ка и я на хлеб попробую»,— решил Володя, достал из кармана хлеб, отломил кусок и помял. Но хлеб был немного чёрствый и рассыпался в руках. Володя смочил его водой и ещё помял. Достал из воды удочку, заменил червяка хлебным катышком и снова закинул.

И поплавок, разогнав по воде мелкие круги, покачался немного и замер.

Тут Володя услышал, как сосед, подсекая, вжикнул в воздухе удилищем. Он быстро оглянулся и увидел, как тот потянул леску. Бамбуковое удилище сразу согнулось дугой.

«Ох и здоровущий попался,— подумал Володя.— Надо помочь»,— решил он, видя, что мальчику никак не удаётся одной рукой держать сачок, а другой — рвущееся в сторону удилище.

Володя в два прыжка очутился рядом с соседом. Тот обеими руками держал удилище и уже подтягивал к берегу

огромного сазана. Володя схватил с земли брошенный сачок и подвёл его под рыбину. Но сазан ударил хвостом, метнулся в сторону, подняв фонтан воды. И всяки раз, как только удавалось подтянуть его ближе, он бешено рвался прочь от берега: сачок не доставал до него.

Наконец Володя, побледневший от волнения, подцепил-таки сазана и выволок на берег. Все трое устали от борьбы. Сверкая жаркой медью, рыбина лежала на песке, безнадёжно уставясь круглым глазом в небо.

Запыхавшиеся, раскрасневшиеся ребята, присев на корточки, с восторгом разглядывали добычу и дружелюбно посматривали друг на друга.

— Хорошая вещь — бамбуковое удилище,— промолвил наконец Володя.

— Дело не в этом... Ты вот что, я как раз хотел тебе сказать...

Но Володя нахмурился и пробурчал:

— Надо на мою взглянуть...— он вскочил и отбежал к своей удочке. «Подумаешь, сазана вытащил! — неприязненно подумал Володя.— С таким удилищем и я бы мог».

«Не в этом дело.— мысленно передразнил он мальчика.— А в чём? В том, что ты рыбак необыкновенный, что ли? Хвастун!»

Володя вытащил свою удочку. Крючок оказался голым, без насадки.

— Склевала насадку! Прозевал.

Мальчик подошёл к Володе и остановился за его спиной.

— Ты вот что, тебя как зовут?— спросил он.

— Володя.

— Ты вот что, Володя, возьми моё бамбуковое удилище. На весь день возьми. А я твоё, простое... если ты думаешь, что рыба на бамбук идёт,— не без ехидства добавил мальчик.

Володя резко повернул к нему голову. «Смеётся?— мелькнуло в уме.— Эх, доказать тебе, хвастун!»

— Ладно, давай.

— Отвязывай леску, а я — свою.— И мальчик пошёл к своей удочке.

Пока они привязывали лески на обмененные друг у друга удилища, выяснилось, что удачливого рыбака зовут Колей и живёт он в этом же городе, только учится в другой школе.

Мальчики закинули удочки.

Володя с удовольствием потряхивал в руке лёгкое бамбуковое удилище и с надеждой поглядывал на поплавок.

Теперь это была уже не просто рыбалка. Это было соревнование. И даже более того — тут решался вопрос чести, потому что, если Коля с простым Володиным удилищем не наловит рыбы, он окажется хвастуном и ему придётся сознаться перед Володей, что первой своей удачей он обязан бамбуковому удилищу.

Но что это?

Коля вытащил небольшого сазанчика. Потом опять затрепетал на крючке, оттопыря розовые плавники, сазан и шлёпнулся в траву. И пошло, и пошло...

А у Володи, хоть бы клюнуло!

И что удивительно: если насадка из хлеба, то стоит только закинуть удочку и, не дожидаясь клёва, вытащить — крючок оказывается голым.

И на червя пробовал ловить Володя. Результат тот же — не шелохнётся поплавок. Правда, червяк на крючке остаётся в утешение...

Опять подошёл Коля.

— Ты вот что, иди на мое место, оно, знаешь, счастливое.

«Эх, дать бы тебе по шее»,— с досадой подумал Володя. Но всё-таки согласился поменяться местами, потому что это было в конце концов даже справедливо. Ведь и в самом деле, могла же рыба скопиться именно в том месте, где удил Коля!

Но и там, где рыбы, казалось, было полным-полно, лишь раз шевельнулся поплавок и потом замер.

Коля же вытащил одного за другим двух сазанчиков. Покосившись на соседа, он вдруг положил на траву свою удочку и громко сказал:

— Баста! — и не спеша подошёл к Володе.— Ты вот что, слушай, Володя, ты не обижайся, но это же факт, что рыба не на бамбук ловится. Мне просто жалко, скоро клёв кончится. Видишь, солнце уже высоко поднялось.

— Не везёт мне сегодня...— неуверенно проговорил Володя, отводя глаза.

Но Коля решительно махнул рукой и сказал твёрдо.

— Брось. Ты вот что. Ерунда это. Ты посмотри, какое у тебя грузило. Надо делать раз в десять меньше. Поплавок у тебя где? Надо ниже опустить — тут же мелко. У тебя и крючок и леска на дне лежат. И клюнет рыба, так не услышишь. И червей выбрось ракам на съедение. Сазан сейчас на тесто ловится...

— Так и я на хлеб,— пробовал защищаться Володя.

— Я говорю — на тесто, а не на хлеб. Хлеб у тебя смывает сразу с крючка. А у меня тесто с маслом, варёное. Понял? Давай перевязывай поплавок или лучше возьми мой. Он, видишь, снизу зелёный, под цвет воды, а у тебя весь красный. Только рыбу пугать. Да грузило вот моё возьми, запасное, и тесто. Да, вот что ещё: не обязательно ждать, пока поплавок нырнёт. Как только в сторону поплывёт, сразу подсекай.

— Это почему же?

— У сазана, понимаешь, такой характер... Другая рыба хватает приманку, как воришка, и удирает с ней вглубь. А сазан берёт её и плывёт спокойно, будто купил.

Коля оглядел из-под ладони реку, окаймлённую зелёной бахромой камыша, и небо, на котором, поднимаясь, всё ярче разгоралось солнце.

— Тогда давай уж и моё простое удилище,— упавшим голосом попросил Володя.

— Ничего, порыбачь моим, бамбуковое и правда лучше,— неожиданно вдруг заявил Коля.— Для рыбака лучше, потому что лёгкое. А рыбе, конечно, всё равно.

Володя молча сделал всё, что посоветовал Коля, и снова закинул удочку.

Сердце ёкнуло, когда, спустя некоторое время, поплавок вдруг поплыл, поплыл и разом окунулся в воду.

Володя дёрнул в сторону и вверх, подсекая. С наслаждением ощутил он тяжесть в руке. И с удовлетворением, знакомым только рыбакам, выбросил на берег сверкающую на солнце рыбу.

Потом — ещё и ещё.

Пяток небольших сазанчиков был у него на кукане, когда клёв прекратился. Наступил день.

— Ну, хватит на сегодня,— сказал Володя и стал отвязывать леску бамбукового удилища.

— На вечернюю зорьку не останешься?

Володя помедлил с ответом, потом, глядя себе под ноги, решительно проговорил:

— Нет. Понимаешь, друг, я дома обещал...

— Я тоже... обещал,— тихо сказал Коля.— Да уж очень хорошо рыба ловится.

Почесав затылок, он вдруг улыбнулся и сказал весело:

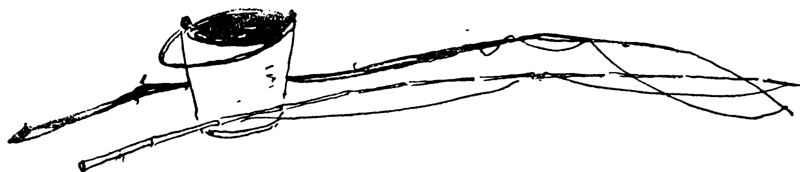
— Ладно. Ты вот что. Идём по домам. Нечего жадничать.

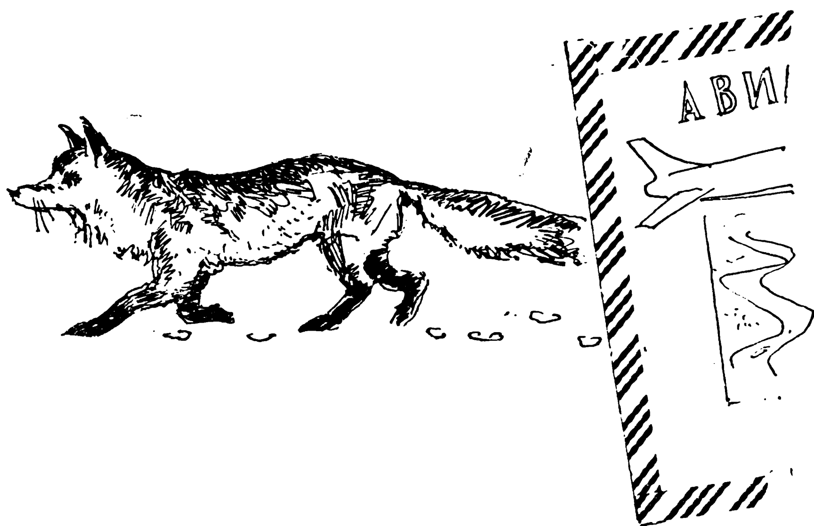
— А то ещё всю рыбу выловишь своим бамбуковым,— Володя хитро подмигнул товарищу.

— Да и не моё оно, удилище-то, если хочешь знать,— дядино. Только на сегодня и выпросил. А моё, брат, тоже из орешника.

— Не в этом дело,— убежденно заявил Володя.— Пусть удилище ореховое, лишь бы голова не дубовая.

Володя красноречиво постучал себя по лбу, и оба мальчика дружно рассмеялись.

ПИСЬМО ДРУГУ

Здравствуй, Борь!

Письмо твоё получил и очень рад, что у тебя идут дела. У меня, понимаешь, тоже идут.

Мы живём на краю села в новом небольшом домике. Он весь белый, а крыша красная, черепичная. Вокруг дома ещё ничего нет, но мы с Наташей решили весной посадить сад. Наташа — это девочка, которая живёт в этом же доме. Чёрненькая такая.

Я тебе про неё, конечно, не стал бы писать, потому что про девчонок чего писать? Они все одинаковые. Но понимаешь, Борь, я её нечаянно заинтересовал техникой. У Наташи, оказывается, неплохо голова и руки работают. Например, катушки к электромагнитам она наматывает просто замечательно.

Хотя, если по-честному говорить, она и многое другое делать может. А проявляет и печатает снимки лучше нас с тобой. Честное слово! Это, наверное, потому, что в фотографии, сам знаешь, нужна аккуратность — ванночки там всякие, водичка. Ну самое что ни есть ихнее, девчачье дело. Как раз с фотографии она и заболела техникой. Теперь всё. Это ведь неизлечимо. Правда, Борь?

А вышло так.

Шли мы с ней из школы через рощу. Ну, разговаривали, конечно. Я ей объясняю, что если электричеством освещать по ночам растения, то они скорее растут. Рассказываю о том, как землю в парниках можно греть электричеством. Она таращит на меня свои глаза и не мигает.

Вдруг что-то рыжее как метнется через дорогу! Лиса! Понимаешь, Борь, живая лиса!

Я за ней побежал, ору во всю мочь. Наташа — за мной.

— Ты чего,— кричит она мне,— лисы никогда не видал?— и смеётся.

А что тут смешного? Ну и не видал. И ты ведь, Борь, тоже не видал, да?

Остановились. Смотрим: на снегу разные следы.

Наташа показывает, какие заячьи, какие лисьи. Знаешь, Борь, целая тропинка утоптана следами.

Потом Наташа и говорит:

— У нас в юннатском кружке есть мальчик, у него выдержка колоссальная, он летом ухитрялся птиц фотографировать.

— Выдержка,— отвечаю ей,— зависит от освещения.

— Да нет, это другая выдержка, не фотографическая.

И рассказала мне, как тот мальчик летом, не шелохнувшись, часами в траве просиживал или на дереве — ждал, пока какая-нибудь птица совсем близко сядет.

— А хочешь,— говорю я Наташе,— живую лису сфотографируем в упор, крупным планом?

— Ой, что ты? Сейчас зима, ждать холодно. А лиса ни за что не подойдёт близко.

Я ей на это ничего не ответил, а когда пришли домой, сразу же засадил её за работу.

Ты, конечно, догадался, Борь, что я надумал. Наташе устройство фотоэлемента недолго пришлось объяснять. Если говорить по-честному, здорово она соображает, хоть и девчонка. Только не стал я ей рассказывать, как мы будем фотографировать лису, пускай, думаю, свою конструкторскую мысль развивает.

Дал ей книжки — Мезенцева «Электрический глаз» и Клементьева «Зоркий помощник». Сам сел за уроки, а её отослал домой. Я уже спать лёг — вдруг Наташа опять прибегает.

— Я,— кричит,— знаю, как лису фотографировать. Я книжки прочитала!

Понимаешь, Борь, уроки не сделала! Точь-в-точь как мы с тобой раньше. Надо будет присмотреть за ней, а то она может двоек нахватать, как мы тогда, помнишь?

На другой день мы с Наташей прямо из школы в рощу побежали, чтобы успеть дотемна отнести туда наше оборудование.

В роще мы отыскали ту самую лисью тропу. Справа от следов установили на колышке фотоэлемент, слева — фонарик с эбонитовой крышкой, источник невидимого лучика. А на следах, чуть подальше, фотоаппарат и колышек с магнитом. Провода снегом присыпали, а мои и свои следы Наташа тоже хвоей и снегом забросала. Потом пошли домой.

Тут и я покой потерял!

Мне, конечно, хотелось, чтобы сразу всё удалось. Потому что Наташа, думал я, может оказаться неустойчивой личностью, и первая неудача её от техники отпугнёт.

В этот вечер мы уроки вместе делали. Потом я ей про

тебя рассказывал, про наш политехнический кружок, про ребят...

Утром мы встали раньше всех. Она даже раньше, чем я. И сразу побежали в рощу, хотя было ещё совсем темно. Наташа, оказывается очень хорошо ориентируется на местности, и мы сразу нашли нашу аппаратуру.

Всё было в порядке — магний сгорел, диафрагма сработала. Значит, снимок имеется. Помчались обратно домой.

Наши ещё только встали. Мы сразу кюветы на стол и давай проявлять.

Ты, Борь, только не смейся. Проявили мы плёнку и, ещё мокрую, стали рассматривать.

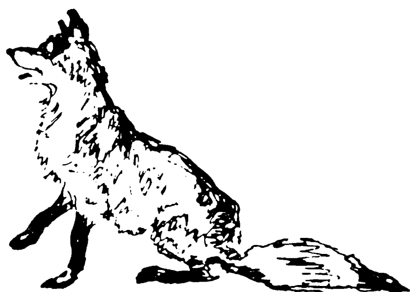
Что такое? Наташа как захохочет, даже на стол повалилась.

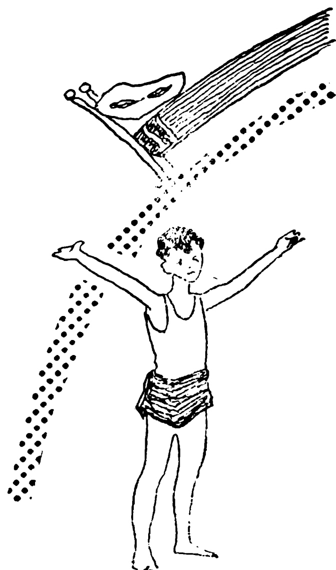
Понимаешь, Борь, с плёнки на меня заяц смотрит! Ну я же не виноват, что зайка лису опередил. Наши домашние все тоже очень смеялись.

Выходит, лиса умнее нас оказалась. Стороной обошла наш фотоаппарат. Ну я, Борь, теперь решил эту хитрюгу во что бы то ни стало сфотографировать.

А пока посылаю тебе фото зайчишки, а также моё и Наташи.

С приветом, твой друг Стёпа.

ЧАСЫ

Многие ребята только притворяются весёлыми. Я знаю — сам такой был.

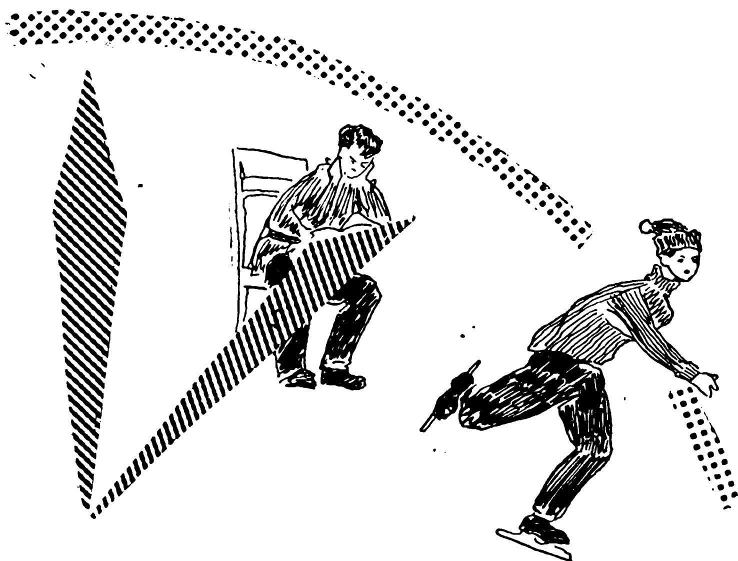
Ну, двойку получил, вроде беда небольшая, а всё же... А если ещё двойка? Вот тут уже улыбаешься только для вида... Или родителей вызывают в школу. Тоже радости от этого мало. Но, конечно, вида не подаёшь.

И вот однажды дома забыл я притвориться. Сижу за столом невесёлый, а брат Сергей (он уже в девятом классе учится), спрашивает:

— О чём задумался, старик?

Это он тоже вроде шутит, а я вижу — он взаправду обо мне беспокоится.

— Да вот...— говорю.

И всё рассказал.

Подумал Сергей и спрашивает:

— Хочешь, всё переменится, и даже скоро?

Я только махнул рукой.

На другой день прихожу из школы, смотрю — часы висят над моей кроватью! Самодельные какие-то. Разрисованные. Циферблат у них большущий, с тарелку, и стрелка одна. Подхожу поближе — не тикают. Стрелка у них показывает туда, где на настоящих часах цифра четыре. Только здесь вместо цифры нарисовано, как я сижу и обедаю. Где должно быть пять — тоже я: на коньках мчусь, и даже золотые искры кверху взлетают. Вместо шести — опять я за столом. Кругом меня книги, книги. На одной можно даже прочитать «Арифметика». Понятно,— это я уроки делаю. Где быть десяти — я умываюсь; вместо цифр одиннадцать, двенадцать и дальше нарисована длиннющая горбатая кровать, я на ней, тоже длинный, сплю.

Тут скоро и Сергей пришёл, кивает на часы.

— Ничего,— говорю.— А зачем?

— Увидишь. Только уговор — стрелку каждый час будешь передвигать сам, что она показывает, выполнять.

Сели мы обедать. Сергей мне настоящие часы показывает: на них ровно четыре часа. Взглянул я на наши, а стрелка показывает на картинку, где я обедаю. Выходит, что пока всё правильно идёт — выполняю указание.

После обеда взглянул на часы — пять. Тогда и на наших стрелку передвинул. Показывает теперь она, как я на коньках катаюсь.

— Хорошие часы сделал ты, Серёжа! — кричу я ему. Схватил коньки и побежал выполнять.

На улице я про часы забыл, а когда меня домой позвали, пришёл, смотрю — Сергей улыбается, а на наших часах стрелка показывает, как я за книгами сижу.

«Ладно,— думаю,— выполнять так выполнять». И занялся уроками.

Потом хотел я «Таинственный остров» дочитать, немного осталось, но Сергей на часы кивнул, на настоящие и на наши. На настоящих часах было десять. Перевёл я стрелку и у наших. Показывает она, как я умываюсь, а дальше и вовсе — длинная-длинная кровать. Что ж, пришлось умыться и лечь спать.

Так и повелось.

Только по воскресеньям часы стояли Делай, что хочешь!

И как-то так вот получилось, что и в самом деле я весёлый стал, потому что всё у меня хорошо: двоек нет, родителей в школу не вызывают. Даже в туристический кружок приняли.

А вчера я повесил наши часы над кроватью Сергея, потому что вижу: он что-то невесёлый ходит.

Для среднего школьного возраста

ВОРОБЬЕВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Звено принимает решение

Редактор Л. Чумакова
Художник С. Киприн
Художественно-технический редактор Я. Черников
Корректор Т. Блохина

Подписано к печати 6/VIII 1963 г. Уч.-изд. л. 4,1.
Бумага $60 \times 84/_{16}=2{,}63$ бумажного — 4,78 печатного листа.
НС 22688. Тираж 15 000. Заказ № 102 Цена 22 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963